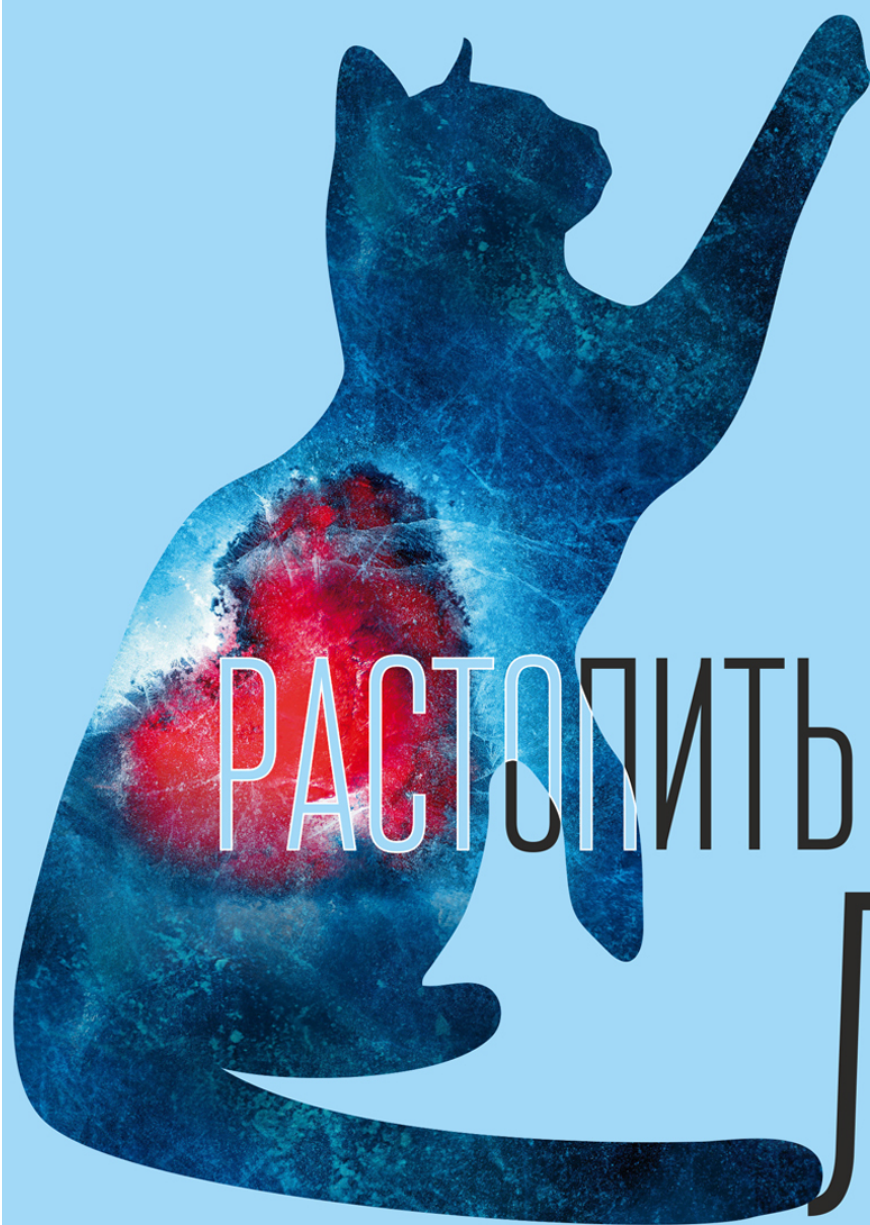

Татьяна
Кошкина

КАК МОЖНО
НЕ БОЯТЬСЯ ЛЮБИТЬ
В МИРЕ, ГДЕ ПАДАЮТ
САМОЛЕТЫ

РАСТОПИТЬ СЕРДЦЕ
ЛЬВА

Романтичные сказки

ИДДК

Татьяна Кошкина

Растопить сердце Льва

«ИДДК»

2021

Кошкина Т.

Растопить сердце Льва / Т. Кошкина — «ИДДК», 2021

Много лет подряд в свой день рождения Рита получает странный подарок: пьяного рыжего мужчину у дверей. Раз в год он напивается, убегая от болезненных воспоминаний о прошлом, и ноги сами приносят Льва к порогу дома этой странной девушки. Это стало привычкой. Ожиданием. Исцелением.

© Кошкина Т., 2021

© ИДДК, 2021

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	24
Глава 6	31
Глава 7	38
Глава 8	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Татьяна Кошкина

Растопить сердце Льва

© Кошкина Татьяна

© ИДДК

Пролог

По мнению большинства знакомых Маргариты Соколовой, сейчас у нее дома должна быть шумная вечеринка, море шампанского и блеск пайеток. Но все было совсем по-другому.

– С днем рождения меня! Ах да, он уже закончился, – фыркнула Рита, потеряла покрасневший от усталости правый глаз и с наслаждением зевнула. Вытянула под стол ноги в объемных тапочках-единорожках и глотнула кофе, который так давно налила, что даже в термокружке с крылатым ананасом успел остыть.

С огромного монитора на Риту смотрела счастливая семья. Высокий, хорошо сложенный мужчина обнимал пухленькую жену в симпатичном платье винного цвета. С другой стороны ей подставлял рожки нескладный худощавый подросток, которого пинками заставили причесться перед фотосессией и надеть приличную рубашку. На руках мамы сидела улыбающаяся щекастая пятилетняя девочка в белых сандалиях со звездочками и в платье принцессы. Казалось, фатина там было больше, чем самой девочки.

Рита сунула руку в ворох бумаг и вытащила оттуда телефон, разметав несчастные листочки по всему полу. Короткое сообщение абоненту Лиля Никитина: «Фотографии готовы. Пришлю тебе несколько по почте. Остальное передам на дне рождения Аленки. С меня фотокнига и еще подарочек».

Улыбнулась. Воспоминания о крестнице всегда были теплыми, Рита никогда не думала, что кто-нибудь предложит ей стать крестной мамой. Обычно такое доверяют только самым близким друзьям или родственникам.

Маргариту Соколову, хрупкую блондинку, талантливого фотографа и очень активную девушку, знали в городе многие. Куда бы она ни пришла: закрытый кинопоказ, выставка, концерт рок-группы или открытие нового ресторана – везде будут знакомые лица.

Наверное, они думали, что в свой день Маргарита устраивает закрытую вечеринку для самых-самых ВИП, веселится с друзьями до утра. Но лишь единицы знали, что в этот день ей звонят всего три человека: отец, двоюродный брат Герман и Лиля Никитина, с которой они дружат вот уже семь лет. По-настоящему дружат, а не просто улыбаются друг другу при встрече и целуют в щечки. Они делятся друг с другом печалью и радостями, смеются над общими знакомыми и даже пару раз вместе сходили на маникюр.

Именно такие мелкие моменты Рита очень ценила. Это была возможность впустить кого-то в свою жизнь, внутрь скорлупы, которую много лет никто не мог пробить.

– Ну и где? – обиженно буркнула девушка, выключая компьютер. – Я вообще-то спать хочу!

На торчащем из-под завала бумаг циферблате высветилось четыре утра. За тяжелыми дверями фотостудии хмурое октябрьское утро уже вступало в свои права, напроць забыв про обязанности. А нет, не забыв!

Громкий стук в железную дверь легко разбудил бы всех соседей, если бы они были. Но студия располагалась на заброшенной пожарной станции почти в самом центре города. Историческое, но не очень ценное здание несколько лет назад приобрел отец Риты и торжественно подарил увлеченной фотографией дочери. Тогда он еще наивно пытался купить ее любовь за деньги.

Рита подарок приняла, не могла иначе. Собственная студия! Оборудование по первости подкинул Герман, который тогда начал набирать обороты как фешен-фотограф и сам не прочь был снимать в просторных помещениях. Он же помог найти строителей и оборудовать в небольшой башенке жилую зону. Настоящее убежище за тяжелыми железными дверями.

После смерти мамы жить с отцом Рита не захотела. Он пытался завоевать ее любовь, но ей оказалось сложно называть папой человека, который шестнадцать лет был где-то далеко и

не знал о существовании дочери. Их отношения в последнюю пару лет были теплыми, и даже пресловутое «папа» звучало регулярно, но жить за городом в неприступной крепости? Ну уж нет!

То ли дело здесь. Тихо и просторно, можно работать хоть круглые сутки – мечта. А главное, недалеко от центра, где кипит вся городская жизнь.

– Открывай! – грозно рычали за дверью и дубасили по железке.

– А вот и подарочек. Хоть какая-то стабильность в стране, – хмыкнула Рита, медленно расправила плечи и потянулась. Спешить некуда, все равно этот псих никуда от нее не денется. По крайней мере, сегодня.

* * *

Руки обнимают до боли. Тяжелое дыхание и шепот.

– Прости меня, прости. Я не должен был уезжать...

– Ты не виноват, не виноват...

Бледные пальцы в рыжих волосах. Мягкие, осторожные прикосновения. Попытка подавить покой проваливается раз за разом.

– Я люблю тебя... Эльза.

Глава 1

– Ну привет! – хмыкнула девушка и протянула ему бутылку из темного стекла.

– О женщина, ты святая! – Взлохмаченный рыжеволосый мужчина с примятой отросшей бородкой зажмурился и сделал большой глоток горького крафтового пива. – Как твои дела? Целый год не виделись. Слышал про твою выставку, поздравляю, – прохрипел он низким с похмелья голосом, бережно сжимая в руке драгоценную бутылку.

– Пока не с чем, выставка откроется только в конце декабря, но работа кипит. Не сплю почти, готовлю снимки, еще ты тут ломишься в двери по ночам, – уколола его, чтобы не расслаблялся.

Рыжий лохматый небритый львище, вальяжно растянувшийся на диване, медленно и внимательно осмотрелся, будто проверял, что здесь изменилось за год. Шпильку в свой адрес он привычно пропустил мимо ушей.

– Думал, ты уже переехала в нормальную квартиру.

– Еще не выбрала, да и здесь удобнее. Все под рукой, не надо по всем пробкам на студию ехать ко времени. А ты как? Слышала, вернулся на прежнюю работу. Лучше себя чувствуешь?

– Нет, – посерьезнел мужчина и еще немного отпил, – просто решил, что пора перестать прятаться. Столько лет мыкался по конторам, но простая работа юриста не для меня, – на лице мужчины мелькнула ироничная полуулыбка, – скучно.

– Понятно. Завтракать будешь? Я вчера купила твое любимое «солнышко» и яйцами запаслась. Кофе во френч-прессе минут через пять дойдет до кондиции, – отчиталась Рита, сворачивая волосы в лохматый кулек на голове.

– Точно святая, – допил свою похмельную бутылку и поставил ее рядом с диваном. – И как ты все это запомнила?

– Ты здесь уже четвертый год подряд в один и тот же день, и вкусы у тебя не меняются, – хмыкнула она. – Только дура со склерозом не запомнит. К счастью, я не дура, да и склероз мне пока не по возрасту.

– Кстати, о возрасте и склерозе, – чуть вымученно улыбнулся он. – Чуть не забыл! Я же с подарком, – пошарил под одеялом и достал из кармана джинсов, в которых вчера завалился спать, маленькую бархатную коробочку. – С днем рождения, фея фотографии!

– Ты серьезно? – Рита слегка смутилась, но подарок все-таки приняла.

Крышечка открылась с тихим щелчком. На темной подушечке лежал золотой кулон в форме фотоаппарата, по кромке объектива которого рассыпана блестящая крошка. Только не говорите что!

Девушка подняла на Льва удивленный взгляд:

– С ума сошел?

– Это не дороже, чем четыре испорченных мной дня рождения.

Лев улыбнулся и, откинувшись на подушку, закрыл глаза, будто смотрел в потолок сквозь опущенные веки. Длинные рыжие волосы разметались по изумрудно-зеленой наволочке. Рита всегда любила необычное, яркое постельное белье. Сейчас цветовая гамма особенно удачно совпала. Бледная кожа, рыжие волосы, плотно сжатые тонкие губы, которых почти не видно за отросшей бородой. На спокойном лице мужчины словно застыла восковая маска. Маска, скрывающая бесконечную боль.

* * *

Лев и хотел бы перестать приходить, но каждый год возвращался вновь. Он не знал адреса – ноги сами приносили сюда пьяное, почти бессознательное тело.

Двадцать первое октября. Этот день должен был стать самым счастливым в его жизни. Они с Эльзой хотели пожениться именно в эту дату. Она так мечтала, чтобы их торжество состоялось в день свадьбы ее родителей, но судьба распорядилась иначе.

Эльзы нет почти десять лет, а боль не ослабевает. Накатывает точно по календарю в этот день и не успокаивается, даже если напиться до потери сознания. Вгрызается в тело и безжалостно шепчет свой приговор: «Виновен». А на следующее утро последние четыре года подсудимый неизменно просыпается рядом с Ритой на продавленном диване в ее то ли доме, то ли фотостудии.

Первый раз он оказался здесь случайно. Лиля Никитина, тогда еще девушка его лучшего друга, попросила Риту проводить пьяного мужчину домой и привести в чувство. В ожидании такси и девушки, которая отвлеклась попрощаться с приятелями, Лев умудрился приговорить еще полбутылки коньяка. Когда Рита вернулась, ее ожидало полубессознательное тело, не способное назвать свой адрес. Не желая подводить подругу, она взялась за миссию «помоги пьяному рыжему дураку» со всей ответственностью и увезла мужчину к себе домой.

С утра он долго извинялся и исчез. Спустя год – снова извинялся и снова исчез на год. Рита посмеялась над чудачком. На третий год он опять появился – смеялись уже вместе, хотя неловкость не исчезла. Она только укрепилась, когда Рита сблизилась с его друзьями. Лев и Рита стали видеться чаще, но эти «пьяные встречи» хранили в тайне и ничем не выдавали свои особые отношения. На вечеринке по случаю дня рождения Лили Никитиной они перебросились лишь парой фраз, и каждый пошел своей дорогой.

Так и повелось. Двадцать первое октября, день, в котором всегда много алкоголя, темнота и эта постель, почему-то все время пахнущая сухой полевой травой вперемешку с розовым маслом. Он напивается, чтобы заглушить боль. Она отмечает свой день рождения. А поздно ночью в тайне от всего мира эти двое встречаются. Она помогает ему дойти до кровати, он отключается, а утром его ждет свежий кофе с булочкой и бутылка похмельного.

Только она знает, что ночью он плачет. Обнимая ее изо всех сил, называет другим именем и глотает слезы. Просит прощения, много вспоминает. Говорит о том, что не успел. Говорит, что хочет умереть и быть с Эльзой там, в лучшем из миров. Рите не остается ничего другого, кроме как медленно гладить Льва по спине, запускать руки в лохматую гриву и просить жить дальше. Раз за разом, пока он не уснет. А потом тихо примоститься рядом и вздремнуть, чтобы встать пораньше и сварить кофе.

«Мужчины не плачут», – говорил ее отец.

Рита хорошо знала эту браваду и прекрасно слышала, как отец бесновался после гибели мамы в той автокатастрофе. Она прекрасно знала, что мужчины плачут, еще как плачут. И знала, что только самые сильные могут выпустить слезы наружу, чтобы продолжать жить дальше.

Но почему Лев возвращается сюда каждый год? Это необъяснимо.

Глава 2

– Опять сожгла?

Лев вышел из ванной, выудил из раковины сковородку и принялся рассматривать намертво присохшие следы сгоревшей пищи. То, что это была яичница, угадывалось с трудом, только если присмотреться и заметить желтоватые кружки недогоревшего желтка.

– Да, позавчера увлеклась. – Рита небрежно махнула рукой, мол, ничего страшного, и чуть нажала на крышечку френч-пресса.

– Время идет, а ничего не меняется, – улыбнулся мужчина и положил сковороду обратно. Зашумела вода, наполнив ее до краев.

Он тщательно просушил волосы полотенцем и педантично повесил его на спинку стула, расправляя неровности. Рита не удержалась от смешка: в ее творческом беспорядке это ну очень актуально.

От Льва теперь не пахло вчерашним загулом, остался только свежий аромат геля для душа и шампуня с ментолом. Можно и позавтракать. Бросила взгляд на полку, где обычно стояли чашки. Почти пусто. Искать бесполезно, они разбросаны по студии и комнате. Только двум повезло остаться чистыми и то лишь по одной причине – они стояли на самом верху.

Две больших лени скрестили шпаги, дуэль была недолгой – победила та, что за «мне влом бегать по всему жилищу и собирать, а потом мыть. Лучше табуретку пододвину».

Деревянные ножки царапнули местами растрескавшийся и потемневший от времени паркет.

– Потом почищу твою сковородку, – фыркнул Лев и капнул в воду немного моющего средства.

– Тебе не надоело еще? – улыбнулась девушка.

– Я делаю это один раз в год, – он пожал плечами и с любопытством уставился на Риту, которая запрыгнула на табурет в коротком домашнем халатике в цветочек и потянулась за чашкой.

Смотреть на эти стройные, точеные ножки и чуть приоткрывшуюся округлость... да какой мужчина это выдержит?!

– Давай помогу, – подошел и схватил рукой чашку на секунду раньше.

– Я са... – договорить она не успела. Одна из ножек табуретки с тихим треском переломилась пополам.

Выбор между чашкой и девушкой был очевиден. Фарфор летит в сторону, а визжащая девушка прямо ему в руки, испуганно обхватывает шею и прижимается.

– В следующем году мне прихватить с собой набор инструментов? – смеющийся шепот заставил ее очнуться, вздрогнуть и отпустить львиную шею на свободу.

– Думаю, я до следующего года такими темпами не доживу, – шумно выдохнула Рита, пытаясь скрыть смущение и преодолеть неловкость. Обычно она легко выкручивалась из любых странных ситуаций, но сейчас вариантов не было. Даже шутка вышла какая-то неправильная. В этом Лев был с ней согласен.

– Не шути так, – смеха в шепоте больше не было. – Ты опять без тапок, – проворчал он недовольно и, аккуратно переступив через осколки, донес ее до дивана.

Чтобы не упасть, Рита снова обхватила шею и невольно прижалась к нему сильнее. Иногда это так приятно, когда кто-то носит тебя на руках, заботится о сковородке и ругает за отсутствие тапочек. Когда рядом есть кто-то, кому на тебя не плевать.

– Посиди здесь. Я уберу...

Взгляды на секунду пересеклись. Так близко, что страшно выдохнуть, потому что два потока воздуха пересекутся и все станет слишком интимным, но не дышать невозможно. Выдох

одновременно. Голубые глаза против карих. Свет и блеск против темноты и таящейся в глубине глаз боли.

За доли секунды невидимые нити сплетаются в клубок, который уже не распутать. Кто-то резко дергает и обе жертвы подаются вперед. Сталкиваются губами. Живых нет, только сумасшедшие.

Отросшая борода чуть царапает кожу, но это неважно, когда губы сами приоткрываются навстречу поцелую. Впервые за много лет Рита сдалась, позволила себе ответить так, как хочется. Отдаться моменту, яркой вспышке безумия, искре на старой пожарной станции.

Лев отстранился первым. Он глубоко дышал, захватывая в плен легких пропитанный ее удивительным травяным ароматом воздух.

Что произошло? Помутнение? Помешательство? Она все еще у него на руках. Дышит так же тяжело и жадно.

– Прости, я не должен был...

Сейчас отойдет от шока и ударит его, прогонит. На такой ноте они еще не расставались. Но вместо скандала – улыбка на чуть порозовевших губах.

– Это худшая фраза, которую может сказать мужчина после поцелуя, – крепче обняла за шею и притянула к себе снова. – Возвращаю его обратно.

Ибо не ведает, что творит, – это сейчас было про нее. Как никогда верно, как никогда правильно и невозможно иначе. Она не ведала, что творила, возвращая случайный поцелуй. Ей и в голову не могло прийти, что он не закончится так быстро. Что она будет избавлять Льва от рубашки, утешая каждым выдохом.

Слишком много боли было в этом человеке, и сейчас Рита готова была ее излечить. Она верила, что сможет. Хотя бы на одно утро, хотя бы на несколько часов.

Если он хочет, она будет с ним. Рядом. Отдаст всю нежность, которая есть внутри. Раз все равно никому другому не сгодились, то пусть послужит добром здесь.

Это безумие. Лежать на диване, придавленной его телом, изучать руками удивительно рельефный торс, гладить подушечками пальцев родинки и слышать тихое:

– Что мы делаем?

– Это худшая фраза, которую может сказать мужчина, когда его руки под твоим халатом. Глаза в глаза. Неизбежное произойдет, потому что оба этого хотят. Прямо сейчас.

– Это безумие, – созвучно ее мыслям.

– Да. Считаю, что мы сошли с ума. Давай станем безумцами на один час.

– Это неправильно.

– Это необходимо. Тебе... и мне тоже.

Вцепиться в него руками и ногами, чтобы не выпустить в мир, где ему больно. Прильнуть всем телом и вернуть поцелуй. Рита позволила себе это и победила Льва. Он сдался под напором нежных ласк, выплетающих для хищника сеть из чистой, непобедимой страсти.

* * *

Так легко нырнуть в безумие и так страшно вновь подниматься на поверхность. Искусанные губы, мышцы, ноющие после острого, как бритва, удовольствия, и невероятный покой внутри. Как будто все правильно. Как будто спонтанный секс со странным знакомым – самое лучшее решение в ее жизни.

Вот только сам знакомый так не считал.

– Какого мы... – Он лежал рядом, выдыхая горячий воздух ей в волосы.

– Считаю, что это еще один подарок на мой день рождения. Слишком давно была одна, пара оргазмов в праздничной упаковке, почему бы и нет?

Вывернулась из рук и рванула в ванную. Только там позволила себе медленно осесть на пол и спрятать пылающее лицо в ладонях.

Когда вышла в комнату, Льва уже не было. Осталась записка: «Прости. Я должен был держать себя в руках. С днем рождения...»

Глава 3

Рита

2 месяца спустя

Хрупкая блондинка в небрежно расстегнутом темно-синем пуховике стояла под стеклянным куполом торгового центра и пыталась сквозь него рассмотреть вечернее небо. Вокруг из одного магазина в другой сновали люди: семьи с детьми всех возрастов от едва научившихся ходить малышей до подростков, грустно поглядывающих в сторону фирменного магазина с компьютерными играми.

Рита закрыла глаза и обняла себя, пытаясь согреться в духоте торгового центра. Там, где она чувствовала себя до боли одинокой.

Слышался смех, вдалеке заплакал ребенок, совсем рядом мама отчитывала:

– Если будешь плохо себя вести, Дед Мороз не принесет тебе подарков!

– Ну ма-ам, я хочу человека-паука! – упирался звонкий мальчишеский голос.

– А я тринадцатую зарплату... – Ее ответ слился с шумом громкой связи: «Родители Васи Иванова, подойдите к стойке администратора».

– Рита! – громкий мужской голос заставил вздрогнуть и открыть глаза.

Реакция мгновенная. Улыбка на губы, блеск в глаза и три раза махнуть рукой.

– Ты как?

К ней подбежал высокий мужчина с торчащими из-под стильной полосатой шапки светлыми волосами и вытянутым лицом. За его спиной Рита заметила приличных размеров рюкзак для фототехники.

– Нормально. Как я рада тебя видеть! – Девушка привычно повисла на шее двоюродного брата Германа, по совместительству известного в фешен-фотографа. Пришел. Благодарность теплом разлилась по телу. Смог, вырвал время у работы и не бросил.

– Зачем одна поднялась?! – негодовал он, поправляя разноцветный шарф на ее шее. Тот сбился набок и некрасиво болтался на правом плече. – И на кой тебе вообще сдался детский мир?

Герман бросил негодующий взгляд на магазин. За стеклами витрин сияли огни, двигались гигантские фигуры Деда Мороза и Снегурочки, снимал шляпу улыбающийся снеговик, а по игрушечным рельсам мчался поезд. Дети тянули родителей к переливающейся арке-входу.

– Хочу купить подарок крестнице. Нормальный подарок, а не как всегда сертификат. Она уже взрослая, подарки пора ей дарить, не родителям.

– Ясно. Давай сам схожу, а ты иди кофе выпей, – тронул за плечо. Жест поддержки не возымел эффекта.

– Я справлюсь. Пошли.

Схватила его за руку и, как ребенок, потянула брата в мир игрушек и детского смеха.

* * *

– Готова к открытию выставки?

Они шли между полок с мягкими игрушками. Герман пытался отвлечь ее разговорами о работе, обычно это помогало.

– Нет. Администрация галереи просит выбрать ведущий снимок, а я не могу...

Рита скользила равнодушным голубым взглядом по полке с медвежатами. Ее путь лежал к детской одежде. Она непременно решила подарить Алене Никитиной костюм тигры – любимого персонажа малышки – для утренника и симпатичный джинсовый комбинезон с веселым зайцем на груди. Пятилетняя девочка с темными выющимися волосами очень любила примерять различные наряды. Все хором уже прочили ей будущее модницы и стилиста.

– Ой! – Рита едва успела поймать врезавшегося в нее десятилетнего мальчика.

– Лешка, стой! – за ним уже бежала мама. – Стой, я сказала! Отдай игрушку сестре! Неуправляемый ребенок! Простите! Леша, извинись!

– Извините, – буркнул тот, забавно надув губы, и хотел уже рвануть дальше, но Рита его удержала. Вцепилась в плечики тонкими пальцами и всмотрелась в лицо.

Это была ошибка. Прийти сюда большая ошибка. Побледнела вмиг, вглядываясь в большие карие глаза с длинными ресницами и взъерошенные русые волосы. Похож.

– Рита, отпусти, – тихо попросил Герман и помог разжать пальцы.

– С вами все в порядке? Он вас не сильно ударил? Задел где-то? – беспокоилась мама Леша, глядя на застывшую статуей девушку.

Женщина всматривалась в бледное лицо Риты, в голубых глазах уже стояли слезы. Она не могла сдержаться. Слишком много семей вокруг, улыбок и теплых детских рук. Слишком много того, чего у нее никогда не будет. Слишком этот мальчик похож. Слишком больно.

– Все хорошо, – вмешался Герман. – Моя сестра приболела, ваш сын ни при чем. С наступающим!

Схватил за руку и выволок из магазина послушно плетущуюся следом сестру. Стоило выйти в холл, как Рита обхватила его изо всех сил и, плача, уткнулась лицом в жесткую ткань куртки.

– Как же я себя ненавижу, как ненавижу...

Горячие слезы оставляли едва заметные темные пятнышки на ткани. Он молча гладил по спине, пока не успокоилась. Герман тоже ненавидел себя. Ненавидел за то, что его не было рядом в тот день.

* * *

С пакетами из детского мира в руках, спасибо Герману, который сходил и нашел все, что нужно, Рита брела в тусклом свете фонарей, отпिनывая в сторону комья снега. В полумраке уже маячили знакомые очертания старой пожарной станции – места, что давным-давно стало ей и работой, и домом.

Там всегда было надежно и спокойно. Вспомнив о своем уютном гнезде, она даже ускорила. Пробежала оставшиеся двести метров, увязая промокшими ботинками в снегу и замерла на месте, увидев, как кто-то медленно оседает на землю рядом с ее дверью.

– Что с вами? – Рита подбежала к скрючившейся в сугробе девушке.

– Помогите. За мной гонятся, – прошептала она сквозь тяжелое дыхание. – Я, кажется, оторвалась. Какие-то бандиты.

Она подняла порозовевшее от бега лицо. Тонкие черты, огромные карие глаза и искусанные в кровь губы, а на щеке татуировка в виде слезы.

– Скорее сюда!

Трясущимися пальцами Рита открыла дверь, впустила девушку и заперла изнутри на старинный, надежный замок. Огромная, впечатляющая размерами студия, где могли легко убраться шесть просторных локаций для съемки, сейчас была пуста. Пахло строительной пылью и деревом.

– Ты не ранена?

Подцепила девушку под локоть и помогла усесться на диванчик в углу, единственное из мебели, что успели привезти после ремонта. Большой переезд был запланирован на завтра.

– Нет, просто бегаю не очень, – выдохнула та. – Оля, – сняла белую пушистую варежку с прилипшими комками грязного снега и протянула руку.

– Рита.

– Я серьезно влипла, Рита...

Лев

Два дня спустя

Рабочий день проходил спокойно и ровно, как и все дни в последние несколько лет. С тех пор как Лев вернулся сюда на бумажную работу, он входил в массивное темно-красное здание в центре города ровно в восемь утра и уходил в семнадцать ноль-ноль. Обедал по часам в двенадцать, обычно один.

Коллеги первое время смотрели на него с надеждой и пониманием, потом начали крутить у виска. Когда-то он был одним из лучших сотрудников с легендарного шестого этажа, работал с секретной информацией высшего уровня, а потом превратился в клерка-аналитика. Этому ему простить так и не смогли.

– Лев Евгеньевич, у нас тут коньячок. Может, с нами в честь праздника? – подбежал к нему Вадим, новенький в отделе. Молодой и горячий, только из училища. Он почему-то всегда стремился советоваться именно с ним.

– Нет, Вадь, у меня бумаг гора, а ответа на вопрос, как прижучить Дутова, пока нет. Слишком хитро играет.

– Слушай, а на хрена он вообще нам нужен? Он же чистый. Зачем тебя на него Никитич натравил? Лучший аналитик, а занимается какой-то ерундой, – фыркнул парень, заглядывая в бумаги.

Лев резко захлопнул папку и откинулся на спинку продавленного офисного кресла. Нечего всяким малькам лазить в документы, к которым доступ им никто не давал.

– Лучший аналитик? Что тебе надо, мелкий? – усмешка на тонких губах.

– Да у меня тут дело есть. Понять не могу, что не так... Посмотришь? У биг босса явно есть подельник, но не можем выцепить. Напрямую никаких связей нет, но кто-то ему явно прикрывает зад. Пытаюсь отследить по финансовым потокам. На вид все стерильно, как в лаборатории.

– Тащи, – кивнул Лев и внимательно проследил взглядом за парнем, который тут же рванул к своему столу за несколькими папками и флешкой с материалами дела. Все, что накопили ищейки.

– Вот смотри. Это отчетности официальные, это то, что он левым берегом проводит, это черный нал, – улыбаясь, раскладывал листы Вадик. – Я думал, что тут фигурирует Лещ, давно известно, что он тот еще прохиндей.

– Лещ наш прохиндей, – хмыкнул Лев и вытащил тонкую папку из-под низа стопы. Именно в таких неприметных папках по закону подлости можно было что-то найти. – А это что?

– Переписка с главбухом. Ничего такого. Как всегда, нестыковка бюджета. Просрали бабла пару лярдов, – фыркнул парень.

– И где похоронили? – между делом поинтересовался Лев.

– Что? – не понял Вадик и заглянул Льву через плечо.

– Где бухгалтера, спрашиваю, похоронили? – положил папку на стол и внимательно посмотрел на новичка поверх очков-прямоугольников в тонкой золотой оправе. – Он его явно обворовывал, причем весьма топорно.

– Так жив он. Работает... – начал было парень и замер. – Черт! Я идиот!

– Ничего, освоишься. Щупай бухгалтера. Если жив, значит, они в одной упряжке. Тяни за нитку, малыш, – собрал бумаги в папку и передал Вадику.

За стеной на небольшой кухне шумел народ. Вторая половина декабря, даже во всем известной, но жутко засекреченной организации – время легкого разгильдяйства. Примерно до тех пор, пока кому-нибудь из сотрудников не позвонит старший по званию.

Так и случилось. Лев довольно усмехнулся и почесал густую, ухоженную короткую бороду, когда за стеной внезапно повисла тишина. Звонящая и непривычная, кутили там уже пару часов к ряду. Мужчина прислушался, но смог разобрать только обрывки.

– На шестой этаж... – низкий голос Рахманова, руководителя отдела аналитики. Раньше они неплохо ладили, но когда Лев перешел сюда работать, оказалось, что ужиться на одной территории не получится.

– Так его же списали? – другой, Лев не понял чей.

– Я позову! – выкрикнул Вадим и через секунду влетел в кабинет. – Лев Евгеньевич, вас вызывают. На шестой этаж, к Нилову. Лично. Прямо сейчас.

Лев молча кивнул. Прихватил телефон, ежедневник в черной мягкой кожаной обложке и быстро вышел. Он не хотел, чтобы новичок заметил удивление на его лице.

Очень давно Льва Залесского не вызывали на шестой этаж.

Списанный после глубокой психологической травмы и сильнейшего кризиса, он больше не смог работать на старом месте, хотя каждый год подтверждал квалификацию по прежним навыкам. Ушел на несколько лет в юриспруденцию, но вскоре вернулся по приглашению лично Ивана Васильевича Нилова, только получившего тогда звание генерал-майора за шумное дело о наркосиндикате¹.

– Генерал-майор, разрешите? – по привычке перешел на военное обращение.

– Лев, – Нилов улыбнулся ему искренне и открыто. – Проходи. Что так официально? Старые же знакомые.

– Так регламент, Иван Васильевич, – Залесский коротко кивнул и вошел в просторный кабинет, пахнувший сигарами и полиролью.

Да, неплохо бывший полковник устроился. А еще неплохо устроились двое мужчин в темно-коричневых кожаных креслах рядом с низким столиком на кривых ножках. Увы, стоял на нем не коньяк, как на кухне их отдела. Там ровным рядом лежали три серые папки.

– Регламент... Заходи, у нас тут встреча не по регламенту. Не устал еще аналитиком сидеть, Лев? – схватил сильными пальцами за плечо и утанул в сторону гостей.

¹ Отсылка к истории Т. Кошкиной «В погоне за миллионером», где Иван Васильевич Нилов как раз начал раскручивать тему наркосиндиката.

Глава 4

Лев

– Не устал, очень интересная работа.

– На которой ты скоро плесенью покроешься, – фыркнул генерал-майор. – Знакомься. Друзья из партнерской организации. Пришли за твоей помощью.

Двое мужчин поднялись с кресел. Первым протянул руку высокий худощавый длинноносый шатен с застывшей на лице ироничной полуулыбкой. Крепкое, но ненавязчивое рукопожатие. Формы на нем не было, простые черные джинсы и рубашка без знаков отличия. Только мелкие детали выдавали в нем «главного». Лев заметил, что его коллега хоть и был старше по возрасту, но вперед не лез. А генерал Нилов смотрел на этого парня с уважением.

– Кирилл Климов, глава Ассоциации, – улыбка почти приветливая. В глазах странное веселье или это азарт?

Второе рукопожатие оказалось крепче и вышло почти отеческим. Среднего роста мужчина с легкой проседью в густых коротко стриженных волосах чуть склонил голову.

– Павел, заместитель главы подразделения «Тени».

Ни одно из наименований Льву ничего не сказало. Он всегда отличался хорошей памятью, но не смог припомнить ничего про «Теней» и Ассоциацию. С другой стороны, столько лет прошло. Распределение отделов могло измениться, и, в конце концов, никто не отменял секретные подразделения.

«Ничему не удивляться» – первое, чему его в свое время научила жизнь и два лучших друга, талант которых влипать в нелепые истории не поддавался контролю.

– Очень приятно, Лев Залесский. Давно уже в отставке.

– Мы знаем, – кивнул Климов, – но по ряду причин попросили Василия Ивановича выделить именно вас для этого дела. Думаю, вы тоже сочтете их весомыми.

Едва заметный нажим в голосе и жест рукой. Все, как по немой команде, сели. Кто на диван, кто в кресло.

– Это наш «клиент», – снисходительно протянул Кирилл и открыл первую папку.

Обычно в углу досье крепили фото, но здесь его не было.

В графе «имя» значилось короткое: Джокер. Остальные поля информационной анкеты пусты, кроме короткой пометки «сестра» со знаком вопроса. Лев пробежал по листку внимательным взглядом и поднял на главу Ассоциации удивленный взгляд.

– Что это значит?

– Это значит, что он хорошо прячется, имеет хорошие связи и очень опасен, – Климов явно не любил лишних церемоний. – Серый кардинал преступного мира, на которого нам удалось выйти благодаря чистой случайности. Это стоило жизни нашему человеку. Сейчас известно, что Джокер держит за горло четырех ведущих политиков страны, контролирует все наркопотоки на юге и прикрывается, скорее всего, алко-бизнесом. Ввозит в Россию вина из ближайшего зарубежья. Недавно его головорезы убрали их давнего партнера Слепого, думаю, ты о нем слышал.

– Да. Известная личность.

Под этого «честного бизнесмена», а по факту опытного перевозчика наркотиков родом из девяностых начал копать еще сам Лев. Но потом тему быстро прикрыли: то ли у Слепого нашлись связи в верхах, то ли он прижал кого-то. Разобраться Залесский уже не успел.

– Вот и прекрасно. Догадаться, что сейчас будет делать Джокер?

Ответ был так очевиден, что Лев не удержался и пренебрежительно фыркнул.

– Искать нового перевозчика. Насколько я помню, Слепой последнее время начал сдавать позиции. Наш наркоконтроль часто брал его людей на горячем. Зуб даю, Джокер попытается поднять Дутова, он сейчас топ в сфере и чист, как стекло. Никакого криминального прошлого, идеальная документация, друзья в политике.

– Я же говорил, у него талант, – кивнул Нилов гостям. – Жаль, что ты десять лет потерял. Был бы уже моим замом, не меньше, – это уже Льву.

– Очень-очень хорошо, – довольно заявил Климов и улыбнулся так плотно, что, будь у Льва чуть менее крепкие нервы, он бы уже попытался сделать ноги из кабинета. С такой ухмылкой предлагают только душу продать, а тело сдать на органы.

– Но что вы хотите от меня? – Лев внимательно посмотрел на Кирилла поверх золоченой оправы очков.

– Всему свое время. Прежде чем дойдем до сути, я хочу, чтобы вы поняли всю степень ответственности. – Тот почесал гладко выбритый подбородок и открыл вторую папку.

В этом досье фото было. Миловидная большеглазая девушка с татуировкой слезы на щеке. Заметная особа, мимо не пройдешь.

– Это Ольга Карамзина. Благодаря ей мы вышли на Джокера. Наш агент случайно познакомился с девушкой, завязал отношения. Через неделю к нему пришли крепкие ребята и доходчиво объяснили, что трогать девочку не надо, иначе ее старший брат будет очень недоволен. В разговоре они называли его Джокер. Разумеется, наш товарищ стал копать. Связался с девушкой. Та, влюбленная по уши, разозлилась и рассказала о своем брате. Обещала, что принесет документы, благодаря которым он сядет надолго и не будет им мешать.

– Веселая семейка, – хмыкнул сидящий напротив Льва Павел.

– Дайте угадаю. Не донесла.

Вопреки данному когда-то обещанию не лезть в такие дела, Лев загорелся. Кровь снова бурлила, как когда-то. Мозг заскрипел шестеренками, выстраивая прогнозы и делая выводы. Карие глаза заблестели азартом впервые за десять лет.

Нилов смотрел на своего бывшего ученика и едва заметно улыбался. Лев в деле: еще не знает самого главного, а уже рвется в бой. Вцепился, как бульдог, и уже не отпустит. Соскучился по настоящей работе.

– Донесла. Но он не дождался, потому что был самоуверенным идиотом. Хотел явиться к нам с документами и красиво выступить, вместо того чтобы сразу сообщить обо всем начальству и запросить поддержку. Молодой и горячий парень. Был, – последнее слово Кирилл произнес с особым значением. – В итоге на месте встречи девушка нашла труп и людей брата, от которых чудом сбежала. А затем просто исчезла с радаров, даже с наших.

– Совсем? Никаких следов? – Льву не верилось.

В современном мире так не бывает: всю жизнь люди идут по идеально ровному снегу и оставляют после себя следы шагов, преступлений и ошибок. Иначе никак.

– Есть кое-что, – третья папка в руках Кирилла, но он не спешил ее открывать. – Есть человек, к которому сходятся обе линии: Дутов и Ольга Карамзина. Совсем скоро Джокер выйдет на этого человека. Ваше, Лев, задание будет напрямую связано с ним, точнее с ней.

Папка на столе. Короткое движение – и тонкий серый пластик больше не скрывал фото. Лев Вдохнул и с трудом заставил себя выдохнуть, потому что с черно-белой фотографии ему доверчиво улыбалась Маргарита Соколова.

Именно она два месяца назад оставила ему на память болезненный ожог. Огромный, ноющий волдырь на сердце, который никак не заживет. Выжгла его нежными словами, прикосновениями и стонами. Все произошедшее вьелось в память до мелочей, до каждого движения и вдоха. Это была чистая искренность. Именно она, как кислород, разожгла огонь. Именно она оставила болезненный след на давно заледеневшем сердце.

Если женщины в жизни Льва после гибели невесты и бывали, то почти всегда на одну ночь. Искренностью там и не пахло. А в тот день он снова ее почувствовал и... сбежал.

Давно нужно было позвонить, поговорить с Ритой и как-то справиться с ситуацией. Никто не знает, сколько раз за эти два месяца Лев брал в руки телефон, а потом отбрасывал в сторону, не зная, что сказать. Как неопытный мальчишка, который нашкодил и трусит во всем признаться.

Вцепившись взглядом в фотографию, Лев не заметил, как Кирилл спокойно поднялся, подошел к графину с водой, налил стакан и поставил его рядом.

– С вами все в порядке?

– Да, – прокашлялся Лев, водой не воспользовался. – Жду подробностей. Какое отношение Маргарита имеет к делу?

– Непосредственное. Эта девушка последней видела Ольгу Карамзину перед исчезновением. Та переночевала в ее студии, после чего исчезла. Также нам известно, что Маргарита внебрачная дочь Михаила Семеновича Дутова. Любимая дочь, которая в завещании указана главным наследником.

– И если Джокер решит надавить на него, то будет действовать через Риту, – автоматически продолжил Лев. Мозг анализировал ситуацию автоматически, не обращая внимания на чувства.

– Верно, – кивнул Нилов. – Учитывая твои, Лев, близкие отношения с девушкой, думаю, ты заинтересован в том, чтобы организовать ее охрану и максимально помочь расследованию.

– Вы за мной следили, – устало выдохнул Залесский и тронул пальцами мигом вспотевший лоб.

– Да, – генерал-майор и не вздумал отнекиваться. – Ты слишком интересный человек, Лев. Я не мог просто так тебя отпустить, как и они, – кивнул на мужчин.

– Ладно, – повел плечами. Пиджак внезапно стал тесным и неудобным. Стены кабинета давили. – Вы уверены, что Джокер знает, с кем виделась его сестра перед исчезновением?

– Пока не знает, но послезавтра открытие выставки. Последний портрет Ольги Карамзиной – ведущий снимок. Нам очень повезло, что его не вывесили на афишу. Я знаю, что благодаря Герману Сергееву, двоюродному брату Маргариты и фешен-фотографу мирового уровня, выставку будут активно освещать в прессе. Первый же ролик на ТВ или в интернете – и Джокер ее заметит.

«Во что же ты вляпалась, Рита?»

Лев снял очки и устало закрыл глаза.

Мужчина ясно понимал, что он – не лучшая кандидатура для задания. Десять лет перерыва не проходят бесследно. Да, он все это может, умеет и знает свое дело – ничего не забыл. Но впервые в жизни ему так страшно ошибиться. Этот страх ледяным туманом повис в воздухе и коснулся кончиков пальцев.

Нужно, чтобы Ритой занимался лучший из лучших, а не придурок в отставке. Но где-то в глубине души внутренний голос нашептывал тихое: «Ты все равно не сможешь смотреть на это со стороны...» И этот он был совершенно прав.

– Хорошо. Дополнительные инструкции? Вводные данные?

– Вот это разговор!

Нилов хлопнул в ладоши и перевел взгляд на Климова, тот сдержанно кивнул и взял слово:

– С этого момента вы поступаете в распоряжение Ассоциации. Инструкции получите от Павла. Любые расходы также несет наша организация, аппаратуру и людей мы предоставим.

Ему показалось или в голосе Климова прозвучало предвкушение? Как у человека, который готовится смотреть новую серию любимого до дрожи сериала.

Рита

24 декабря

В студии на пожарной станции кипела работа. Толпа людей, хаос и безумие. Так всегда, когда снимает Герман, а вокруг вьется толпа его ассистентов, моделей и представителей заказчиков.

Рита сидела за рабочим столом, примостившимся рядом с диваном в углу, и задумчиво крутила в пальцах визитку с розовыми цветочками. Сил не было ни на что. Шел шестой час съемок, все на пределе, а она банально засыпает и ноги не держат.

– Рит, ты мне нужна, – подскочил Герман. – Эй, все в порядке? Ты бледная, – приложил холодную ладонь к ее лбу.

– Нормально, я сейчас, – прикрепила визитку к стене канцелярским гвоздиком с ярко-желтым наконечником и встала, но тут же пошатнулась, как пьяная. – Да что за?..

– Ты не болеешь, сестренка? Что-то ты мне не нравишься, – хмурился Герман. – Пожалуй, я без тебя справлюсь. Проводить наверх? Завтра открытие твоей первой выставки, ты должна блистать, а у тебя под глазами синяки, как у панды. Валя, конечно, нарисует красоту, но я не хочу, чтобы ты уснула и захрапела прямо при журналистах.

– Сама дойду, – буркнула девушка и потопала наверх. Спорить с братом не было ни сил, ни желания.

Уже там, лежа на продавленном диване, она снова думала о странной девушке Оле, которую привела к ней судьба. Фотогеничное лицо, заметная татуировка и желание спрятаться на пару дней. Они разболтались за чаем обо всем и ни о чем. Как-то так само собой получилось, что Рита рассказала о выставке и попросила фото. Тема как раз была «Лица и души», а татуировка так и кричала о том, что снимок станет настоящим украшением выставки.

Ольга Карамзина (такой была фамилия случайной знакомой), даже написала расписку, что разрешает использование своего фото, сделанного среди ночи в пустой студии. Вместо света – одна настольная лампа. Вместо фона – обшарпанная стена. Но глубокий взгляд уставших огромных глаз прямо душу цеплял.

Свою историю загадочная девушка рассказала коротко: «Я вляпалась. За мной гонятся бандиты. Не выгоняй, пожалуйста, я завтра сама уйду». У Риты и в мыслях не было отказать ей в помощи. Она даже предложила Ольге пожить несколько дней на станции, но та наотрез отказалась. Уходя, девушка искренне благодарила и дала визитку цветочного магазина со словами: «Если тебе потребуется помощь, просто иди туда и скажи, что от меня».

Рита перевернулась на бок, укрылась одеялом и попробовала улечься поудобнее. Теперь в голову лезли совсем другие мысли.

Лев. Она не ждала, что он позвонит: была уверена – новая встреча состоится через год, и ни о чем не жалела. Глупо переспать с мужчиной, который в пьяном виде признается в любви другой женщине, и жалеть об этом. Что сделано, то сделано.

Погладила пальцами подвеску, которую носила два месяца не снимая. Вспомнила теплые руки и губы, поцелуи. Давно ей не было так хорошо с кем-то. Признаться честно, она думала, что уже и не будет. Что Алексей Вольский, ее первый мужчина и фото-наставник, некогда кумир наивной девочки Риты, навсегда лишил ее возможности хоть что-то чувствовать.

Проваливаясь в сон, Рита улыбнулась, вспоминая теплый карий взгляд и влажные медные волосы между пальцами. Этот образ отогнал все плохие воспоминания. Даже шум из студии не помешал сну накрыть ее своим невидимым покрывалом.

Интересно, он придет на выставку?

Рита хотела, чтобы пришел, но у нее не хватило смелости отправить приглашение.

25 декабря

– Рита, ну и вид!

Некогда известная фотомодель Тина Краш, а теперь Валентина Сергеева – жена Германа, мать двоих детей и весьма успешный визажист – вихрем ворвалась на пожарную станцию.

Маргарита только что закончила с платной фотосессией. Заказчица уже ушла, а девушка задумчивым призраком бродила по студии, выключая аппаратуру и сворачивая фоны. Вроде выпалась, но спустя всего три часа работы снова зевала и чувствовала себя совершенно разбитой. Нужно выпить еще одну витаминку. Наверное, простуда приклеилась.

– Нормальный вид, – пожала плечами девушка и улыбнулась Тине. – Ты же нарисуешь мне красивый?

– Куда же я денусь? Сегодня твой день. Ты должна блистать. Герман сказал, будет толпа журналистов, – щебетала она, по-хозяйски сдвинув весь бардак на столе к стене и засыпав клавиатуру. Водрузила на стол стальной ящик, в котором пряталось все, что необходимо настоящему профи визажа: тени, подводки, кисточки, тональные и еще бог весть что. Рита не знала названий и половины того, что хранилось в волшебном чемоданчике.

– Это обязательно? – повела плечами блондинка. – Я хотела скромно.

– Рита! Это твоя персональная выставка. Герман сейчас поднимет шум, и тебя заметят не только как его помощницу. Тебе нужно имя делать, тогда карьера сразу пойдет в гору.

– Да у меня и так все неплохо, – озадаченно обвела взглядом помещение. – Жаловаться не на что.

– Ритусь, у тебя вообще, что ли, никаких амбиций?

Тина подошла к ней и стянула резинку с собранных в лохматый кулек волос.

– Так, еще и волосы уложить нужно. Вот говорила Герману, надо стилиста прихватить. Тут я не мастер, но думаю, справлюсь.

– У меня нет никаких амбиций. Я спать хочу, – выразительно зевнула. – Похоже, Валь, я выдохлась с этой выставкой и кучей съемок.

– Осталось чуть-чуть. Сегодняшний вечер – вишенка на торте. А потом выставка станет красивой строчкой в твоём портфолио. Так что иди залезай в платье и топай сюда! Буду твоей доброй феей!

* * *

Два часа спустя Рита в сопровождении Германа и Тины вошла в белый зал галереи «Открытие». Идеальное просторное помещение для выставки черно-белых фотографий. В центре поместился фуршетный стол, а у дальней стены сделано небольшое возвышение, заменяющее сцену.

Все организовали по высшему разряду. Гости уже наводнили зал. Сегодня здесь не было случайных людей. Сюда пригласили только журналистов, известных фотографов и людей, имеющих вес в сфере искусства.

Рита заметила нескольких коллег с фотоаппаратами. Сегодня впервые она была по другую сторону объектива. Необычно, пугающе. Девушка касалась пальцами руки брата – это немного успокаивало трепыхающееся от волнения сердце.

– Маргарита, позвольте взять у вас эксклюзивное интервью для журнала ТОМАТО.

Посмеиваясь, к ним подошла Лиля Никитина и поспешила обнять подругу. Глядя на пухленькую брюнетку в стильном черно-белом костюме и туфлях на высоком каблуке, Рита невольно вернулась на несколько лет назад. В то время, когда они только стали подругами.

Тогда Лиля Никитина выглядела совсем иначе: растрепанное темное каре, толстовка, мешковатые джинсы и гигантские наушники на голове, из которых во всю мощь жарил хард-рок.

Удивительно, как они изменились. Теперь Лиля уверенная в себе журналистка, жена и мама, а Рита в красивом платье идет открывать свою первую фотовыставку.

– Прекрасно выглядишь, – шепнула ей на ухо подруга. – Я уже все посмотрела. Фото просто супер! Сотрудники галереи говорят, один снимок уже хотят купить в личную коллекцию.

– Что? – Рита аж подпрыгнула на шпильках. – Какой?

– Ведущую, где девушка со слезой. Мне администратор галереи слил инфу по знакомству. Цену потом скажешь, обязательно надо указать это в статье! – тут же взяла себя в руки. – Если ты не против, конечно.

– Подожди, в себя приду. – Голова снова закружилась.

А это уже от успеха, сто процентов.

До официальной части оставалось пятнадцать минут.

– Рита, пойдем к сцене, – шепнул Герман и поволок ее за собой туда, куда через пару минут устремятся все взгляды.

Ну зачем такой официоз? Увы, двоюродный брат насмотрелся на европейскую практику и решил воплотить это в реальность. Пафосно, амбициозно и с аперолом для гостей.

А то, что сестра речи говорить не особо умеет – это решим по ходу дела.

Лев

Он поднял теплый воротник зимнего пальто и вышел из машины. Холодный ветер подхватил с бордюра немного снега и подбросил его Льву в лицо, заставив зажмуриться. Отлично. Потом придется очки протирать.

Галерея «Открытие». Светились в темноте раннего вечера голубые буквы. Лев хорошо помнил, как эта галерея стала одной из ведущих в городе.

Его друг Максим Кравцов, известный художник, тогда решил триумфально вернуться домой и устроил невероятную выставку в маленьком, новом, никому неизвестном арт-пространстве. В тот новый год сюда слетелись все почитатели его таланта и европейские критики, но Максу было на это глубоко плевать. Он, видишь ли, решил жениться.

Усмехаясь ярким воспоминаниям о чете Кравцовых, их симпатичной дочери Алисе и безумном псе Лаки, Лев сдал пальто в гардероб и, предъявив приглашение, прошел по не задействованному в экспозиции узкому коридору в белый зал.

Как Ассоциация достала проходку? Лев представления не имел, но сегодня утром обнаружил конверт с приглашением на своем рабочем столе.

– Лев? – на него тут же наткнулась Лиля Никитина собственной персоной. – Ты же не поклонник искусства, – улыбнулась жена второго лучшего друга, Руслана, и подруга Риты по совместительству. Было у Льва смутное подозрение, что несколько лет назад она всерьез пыталась их с фото-графиней свести, но потерпела неудачу и имела теперь на него небольшой, но очень острый зуб.

– Меня пригласили, я пришел, – пожал плечами и красноречиво махнул приглашением.

– Ты не пожалеешь, выставка замечательная. Ой!

Свет моргнул несколько раз, и на зал опустился приятный полумрак. Теперь освещались только фотографии, стол и невысокая сцена, на которую только что поднялся улыбчивый мужчина в черном костюме-тройке.

– Добро пожаловать на открытие дебютной выставки уже известной многим фото-леди Маргариты Соколовой! Она уже грозит мне кулачком за излишний пафос, но как напутствовал друг мой Герман, ляпнешь, Славик, глупость – двину по башке штативом.

Смех над незадачливой шуткой затих, стоило Рите подняться на сцену. За локоть ее поддерживал высокий блондин, который в досье числился как Герман, двоюродный брат. Тоже фотограф. Но какое он имел значение, если рядом с ним шло чудо?

Он видел Риту в драной майке на рок-концерте, видел в побитом жизнью осеннем пальто и смешной шапке с ушками, видел растрепанную, сонную, в домашнем халате. Но никогда в элегантном обтягивающем стройную фигурку платье в пол. Цвету платья Лев никак не мог подобрать название, наверное, цвет летнего безоблачного неба – лучшая метафора, что он мог придумать.

Несмотря на волну чувств, на лице Льва не дрогнул ни один мускул. Только темно-синий пиджак вдруг стал жутко неудобным, а ворот черной рубашки внезапно показался узким.

Взглядом он следил за каждым движением чуда и, сам от себя не ожидая, сделал небольшой шаг вперед, когда девушка оступилась, не справившись с высокими каблуками. Но Рита тут же выровнялась и обернулась, открыв зрителям обзор на обнаженную до пояса спину: платье держала только тонкая золотая цепочка сверху.

Сконфуженно покрасневшие щеки, небрежно отведенные назад светлые локоны и дрогнувший в руках микрофон.

Лев считал ее волнение по едва заметно дернувшемуся уголку рта, по блуждающему взгляду. Но держалась она молодцом, голос звучал уверенно:

– Дорогие друзья! Спасибо, что пришли. Я, если честно, не ожидала, что вас будет так много. Я немного волнуюсь и не умею говорить речи, поэтому не судите строго. Рада приветствовать вас на открытии выставки фото-портретов «Лица и души». Я собирала эти снимки много лет, за каждым из них стоит своя история. Вы можете прочитать подробности рядом фото или в буклете. Истории этих фотографий не менее интересны, чем графика, уверяю вас. Сегодня целый вечер я здесь, с вами. Если возникнут какие-то вопросы, захотите поделиться впечатлениями или высказать критику я...

Лев заметил, как застыл блуждающий взгляд. Проследил за ним, но не смог понять, кого же увидела Рита. Просто не успел, потому что девушка камнем рухнула на пол, потеряв сознание.

Микрофон с громким треском упал рядом.

В следующую секунду он уже мчался сквозь толпу, расталкивая людей, и зло рычал:

– Я гребанный доктор, разошлись все. Пустите к пациенту!

Глава 5

Рита

Стоять на сцене – удивительное чувство, от которого дрожь пробегает по телу. И страшно, и приятно, и голова опять немного кружится. Рита чуть не подвернула ногу и обернулась, чтобы поймать успокаивающий взгляд брата. Все в порядке.

Снова выпрямилась и повернулась к залу. Как ее инструктировал Герман? Нужно сосредоточиться на одном человеке и говорить для него.

Зацепиться взглядом за лица в полумраке никак не получалось. Она говорила на автомате, но, кажется, зрителей ее речь вполне устраивала.

Зацепилась. Рядом с фуршетным столом стоял мужчина, при виде которого и так разогнавшаяся в венах кровь резко ударила в голову. Организм сдался и выключил свет.

Вольский. Ей не показалось? Это был Вольский!

Человек, который сломал ее жизнь, но по-прежнему наслаждался каждым прожитым днем, обласканный критиками и женщинами. Она точно знала, что Алексей Вольский, ее первая любовь и первый учитель по фотоделу, живет припеваючи. Но Рите и в голову не могло прийти, что у него хватит наглости явиться на открытие выставки.

Герман никогда бы его не пригласил.

Лев

– Вы врач? – блондин помог ему подняться на сцену.

Лев на вопросы не отвечал. Не до них сейчас. Пощупал пульс – на месте. Дыхание тоже. Похоже на банальный обморок, но кто знает...

– Она пила что-то? Стакан есть? – первая мысль про яд. Не убить, иначе она была бы уже мертва, а просто напугать.

– Нет, я не дал, чтобы не набралась раньше времени на нервной почве, – отрапортовал Герман.

– Хорошо, это ты молодец, – бегло осмотрел руки и шею.

Если был какой-то укол в толпе, то его могли сделать и через тонкую ткань платья. Нужно в больницу. Маска спокойствия и сосредоточенности отлично скрыла острый приступ страха, граничащий с паникой. Потерять ее так быстро? Нет, это невозможно. Так не будет, так не должно быть. Только не сейчас, когда он впервые за многие годы поверил в свои силы и приготовился защищать эту девушку от всех бед мира.

Но, как всегда в такие моменты, в голове включился холодильник. Он заморозил эмоции, осталась только логика. Только факты и быстрые, выверенные действия.

– Лев, что с ней? – это уже Лиля. Видимо, прибежала за ним.

– Похоже на простой обморок, но я не могу гарантировать точно. Едем в больницу.

Легко подхватил девушку на руки и под взглядами сотни приглашенных вынес из зала. Только за спиной успел расслышать:

– Лиль, он правда доктор?

– Что-то вроде того.

Молодец, Никитина, не сдала. Она точно знала, что Лев Залесский никакой на хрен не доктор.

В гардеробе одной рукой он достал номерок и закутал девушку в свое пальто. До машины всего пара метров. Уже в дверях его догнал Герман.

– Я поеду с вами! Мои ребята здесь все разрулят.

– Хорошо, нужно ее придержать в машине, – кивнул Лев. – Если будет рвать, переверни на бок. Мало ли. Могла она принять успокоительные или другие таблетки?

– Если только дома.

– Понятно.

* * *

Двигатель проворного внедорожника взревел. Лев выкрутил печку на максимум и врубил подогрев сидений. Набрал номер Павла.

– Мне нужна больница. Быстро. Отдельная палата. Нет времени объяснять.

– Понял. Повиси секунду, – спокойный мужской голос. Меньше минуты стандартной мелодии. Голос вернулся в эфир. – Центральная больница номер один. Ехать десять минут. Назовешь в приемном свое имя, вас проводят.

– Хорошо, – отключил и бросил Герману. – Нас примет первая центральная.

Тот молча кивнул. Зато во взгляде модного фотографа Лев увидел сотню вопросов о том, с каких пор врачи выбирают больницу, куда везти пациента, расхаживают в пальто известных брендов и разъезжают по городу на дорогих внедорожниках.

К счастью, лишних вопросов он решил не задавать. Его больше волновала сестра, закутанная в пальто рыжеволосого незнакомца.

* * *

Седой коротко стриженный доктор с хитрым голубым взглядом выгнал Германа и Льва из палаты. Мужчины замерли в коридоре, глядя друг на друга.

– Лев, – первым протянул руку Залесский.

– Герман, – пожал фотограф. – Ее брат.

– Очень приятно.

Дальше разговор не клеился. Все мысли двух мужчин были за белой дверью с цифрами 321, так похожими на обратный отсчет. Вот только до чего?

Рита

Темнота сменилась светом, а тишина – голосом. Вонючая ватка под носом. Рита скинула ее в сторону.

– Очнулись? – незнакомый мужской голос.

– Где я? – Голова все еще немного кружилась.

– В больнице. Упали в обморок на мероприятии.

Зрение наконец сфокусировалось, и Рита смогла разглядеть невысокого седоволосого мужчину в белом халате.

– Я заболела, да?

Странно. Рита не чувствовала температуры, жжения в горле или желания кашлять. Если и заболела, то это не простуда.

– Пока я думаю, что просто перенервничали. Температуры нет, но давление сильно подскочило. Сейчас возьму у вас кровь на анализ. Уколов не боитесь? Вы в первой центральной больнице лечились когда-нибудь?

Он нажал какую-то кнопку, и спинка поднялась вверх. Рита устроилась поудобнее уже сидя. Она все еще была в праздничном платье, только теперь на ней сверху лежало черное мужское пальто с меховым воротником. Совершенно незнакомая вещь. Рита погладила рукой пушистый теплый мех. Интересно, чье это?

– Это молодого человека, который вас принес. Сейчас закончу осмотр и приглашу. Вы только скажите, кого из двух мужчин звать первым: светленького или рыженького? – веселился доктор, сверкая яркими голубыми глазами.

Рыженький? Нет. Не может быть. Она не приглашала Льва на презентацию, как он мог там очутиться? Да и мало ли рыжих мужчин на свете. Может, кто-то просто помог.

Она убеждала себя в этом, коротко отвечая на вопросы доктора.

– Я у вас наблюдаюсь постоянно в женской консультации, и мне тут же вырезали аппендицит три года назад, – отчиталась девушка.

– Хорошо, сейчас возьму кровь, а потом подниму ваши данные, – доктор пристально на нее посмотрел. – И с учетом вашего возраста, должен спросить. Вы, случайно, не беременны? Задержки были? Обморок может быть связан с...

– Нет, – оборвала Рита, на автомате вспоминая, когда красные дни календаря были в последний раз. – Я не могу иметь детей. Вы увидите диагноз в карте. У меня задержка полтора месяца, но это бывает. Особенно на нервной почве.

– Так, моя дорогая, – доктор достал из коробки еще одну пробирку. – Давайте-ка я у вас еще немного крови возьму, и съездим на УЗИ.

– Это все не нужно, – нахмурилась Рита.

– Маргарита, доктор здесь я, и я провожу обследование.

– Да как хотите, – буркнула себе под нос блондинка и послушно положила руку на подушечку. Как же раздражает этот доктор. Сказала же, никаких детей быть не может. – Сами все увидите.

– Увижу, значит увижу. Сейчас кровь соберу, и поедем, – примиряюще кивнул доктор. – Я должен быть уверен, прежде чем назначать вам какое-либо лечение, Маргарита. Вы уж извините меня за дотошность.

– Простите, я тоже зря разнервничалась, – кивнула Рита, чувствуя себя неудобно.

И что на нее нашло? Взъершилась на доктора. Он просто качественно, вьедливо делает свою работу. Если бы все люди в белых халатах были такими, она не рассказывала бы ему сейчас о бесплодии.

– Вот и прекрасно, сейчас привезут кресло, и поедем.

– Я могу сама дойти.

– Рита, еще раз напоминаю...

– Я поняла!

* * *

– Ты как? – в коридоре к ним тут же подскочил Герман.

– С девушкой все в порядке. Перенервничала, давление подскочило, со всеми бывает. Сейчас проведу небольшое обследование и, если все в порядке, отпущу домой, – ответил ровным голосом доктор.

– Гер, я правда в норме. Это просто перестраховка, – стукнула ладошкой по креслу-каталке.

– Если человек в норме, он не падает в обморок. – От насыщенного низкого мужского голоса у Риты по спине пробежали мурашки. Мало ли на свете рыжих? Мало! Иначе почему ей все время попадается один и тот же?

Лев поднялся с мягкой больничной скамьи. Тяжелый взгляд сквозь стекла очков заставил девушку сжаться и отвести глаза. Не так она представляла их следующую встречу, ой не так.

– Прежде чем отпустите ее домой, убедитесь, что она полностью здорова, – этот выпад уже доктору.

– Лев Эдуардович, я достаточно квалифицированный специалист. Думаю, вы должны об этом хотя бы догадываться.

– Извините, – все таким же ровным ледяным тоном. На лице рыжего не дрогнул ни один мускул.

У Риты же в голове одновременно взвились в воздух, как поднятые ветром пылинки, сотни вопросов. Увы, ответы на них так и остались у Льва.

А ее повезли в кабинет УЗИ на бессмысленный осмотр.

* * *

– Что?! – Рита в ужасе смотрела на черно-белый монитор и не понимала ровным счетом ничего.

Женщина-гинеколог, которую доктор пригласил для осмотра, довольно улыбалась.

– Поздравляю вас, вы беременны, – тряхнула она светлыми кудрями. – Я вам сейчас распечаточку сделаю на память. Вот здесь вот, – указала на странную ерунду на мониторе, – ваш ребенок. Удивительно, что вы только сейчас узнали о своем положении. У многих на вашем сроке уже дикий токсикоз.

– Простите, – в голове не укладывалось, – у вас же есть моя медкарта?

Врач кивнула. Взяла со стола карту, открыла и подняла на Риту не менее удивленный взгляд.

– Подождите, но как? Нет, вы точно беременны. Совершенно, на сто процентов. Возможно, когда вам ставили диагноз, произошла ошибка.

– Да я в кучу больниц ездила. Все говорили однозначно одно и то же. Так же не бывает? – Сердце колотилось, как безумное.

– Всякое бывает. В любом случае вам нужно встать на учет в женскую консультацию, пройти обследование и готовиться стать матерью. У вас сейчас...

– ...девятая неделя, – закончила вместо врача Рита.

За последние полгода у нее был только один партнер, и сейчас он сидит около ее палаты. Зато симптомы встали на место: утомляемость, сонливость и странные потягивания внизу живота. Она думала, что скоро красные дни порадуют, а теперь их, оказывается, нескоро дождешься.

– Держите, – ей в руку сунули черно-белый снимок.

Прекрасно. Осталось сказать Льву, что он скоро станет папой...

* * *

Доктор, ввозя ее в палату, светился, как лампочка Ильича. Еще бы, многолетняя чуйка не подвела. Он еще во времена своей работы в скорой помощи беременных с первого взгляда определял, как детектор. Такая вот врачебная интуиция.

– Так кого к вам звать первым, рыженького или светленького? – спросил он уже в дверях ее палаты.

– Рыженького, – устало выдохнула Рита и запустила пальцы в волосы.

Тянуть не имеет смысла. Если сейчас обмануть, то потом уже не скроешь. Да и ребенок, в конце концов, может быть на папу похож.

Лев

– Лев Эдуардович, Маргарита вас зовет. Одного, – доктор выглянул из палаты и бросил выразительный взгляд на Германа.

Гений современной фотографии удивленно глянул на Льва, но ничего не сказал. Просто пожал плечами, мол, иди. Вот только недоумение: «Какого хрена моя сестра после обморока зовет к себе левого мужика?» – очень ярко читалось на его вытянутом лице.

– Во-первых, я Евгеньевич. Эдуард Залесский официально не является моим отцом, хотя и одолжил мне свою фамилию. Буду благодарен, если вы это запомните. Во-вторых, Герман, я с ней поговорю и тебя позову, – холодно расставил все по местам Лев.

Что за черт? Почему она зовет его, а не брата? Интуиция, похожая сейчас на небольшую гибкую львицу, рычала что-то невразумительное и тревожное.

* * *

Рита полусидела на кровати и теребила в руках какой-то маленький листочек.

Тиски, которые все это время сжимали грудь, ослабили захват. Дышать стало легче. Жива и выглядит вполне здоровой, для начала этого достаточно.

– Лев, сядь, пожалуйста, – девушка говорила тихо, но голос эхом разлетался по палате. – Вы можете выйти на пару минут? – это уже прошмыгнувшему в палату доктору.

– Да, конечно, – тот засуетился, но вышел за дверь с явной неохотой.

Лев, как она просила, молча опустился на табурет рядом с кроватью. На лице девушки маской застыла молчаливая решимость.

– Сидишь? Сейчас главное не падай и дай мне договорить. Обещаешь? – теперь все та же решимость и сосредоточенность в голосе.

– Хорошо. Что случилось? Готов ко всему, выкладывай.

– Я беременна. Девять недель, – подняла на него взгляд и протянула снимок УЗИ.

Ко всему? Это он погорячился. К такому невозможно подготовиться. Обухом по голове, смычком по натянутым нервам и совершенно не по нотам.

Взял снимок в онемевшие на секунду пальцы. Разумеется, на нем и при свете дня Лев ничего бы не понял, а в полумраке палаты – это вообще гиблое дело. Но фото посмотрел и положил на тумбочку.

Подсчет сроков в голове завершился.

Ну отлично! Теперь Рита не просто девушка, за которой гоняется опасный преступник, теперь она девушка, которая носит его ребенка. И переменную с преступником в этой задаче никто не отменял, Джокер может объявиться в любое время.

Впервые за много лет Льву Залесскому стало по-настоящему страшно.

Рита

Он держался молодцом. Рита вглядывалась в его лицо. Спокоен. Такое чувство, что в его голове в эту секунду не паника-шок-ужас, а вовсю работает бесстрастный компьютерный процессор. Просчитывает числа, варианты событий и, возможно, успевает задним числом решить судьбы Вселенной.

– Значит...

– Подожди, – Рита остановила его, вытянув вперед ладонь. Стоп. – Прежде, чем ты что-нибудь скажешь, будешь обвинять и так далее. Да, ребенок от тебя, других партнеров у меня эти месяцы не было. Что бы ты ни думал, я не сплю с кем попало.

– А я не кто попало? – чуть приподнял широкие брови. Этот цепкий взгляд поверх прямоугольных очков прямо под кожу.

– Ты – нет, – отрезала, но осеклась. Поняла, что ляпнула, и чуть не откусила себе язык. – Сейчас это не имеет значения. Дослушай. Несколько лет назад я сделала аборт. Забеременела по глупости в восемнадцать, он, когда узнал, швырнул деньги на аборт и бросил меня. Я, идиотка, испугалась и пошла в первый попавшийся центр. Все прошло ужасно, и были серьезные последствия. Врачи считали, что детей у меня никогда не будет. То, что произошло сейчас, это чудо. Понимаешь? Что бы ты сейчас ни сказал, я не буду убивать чудо, Лев. Возможно, это мой единственный шанс стать матерью. Я уеду, исчезну из твоей жизни, ты о нас не услышишь, только не...

Все. Не выдержала, треснула, внутренне переломилась пополам и вспыхнула. Слезы текли по ее щекам, туша невидимое пламя. Вся боль, весь страх, что столько лет копился внутри, вышел наружу.

Лев пересел на кровать и рывком притянул к себе. Рита уперлась лбом в грубую ткань пиджака и не смогла остановить слезы.

– А теперь слушай меня внимательно. Я бы никогда не отправил тебя на аборт, – произнес он спокойно, поглаживая ее горячей ладонью по обнаженной спине.

Приятное, щекочущее тепло успокаивало, необычный запах одеколона, похожий на смесь табака со сладостью меда, с каждым вдохом проникал все глубже в легкие.

Лев дождался, пока девушка в его руках немного успокоится, и продолжил:

– Я не хочу, чтобы ты уезжала.

– Что? – Рита подняла заплаканный взгляд.

– Кто знает, может, это и мой второй шанс? – улыбнулся уголками тонких губ, тонущих в идеально подстриженной густой бороде. – Вынести беременность одной тяжело, и потом, как ты планируешь воспитывать ребенка и бегать по съемкам? Я останусь с тобой. Мы вместе через это пройдем, а как только малыш родится, решим, что делать дальше.

– Ты серьезно? – стерла слезу со щеки, размазав по лицу остатки туши.

– Более чем. Вместе явно лучше, чем одной. Не так ли?

– Да, наверное, – голос дрожал.

Рита все еще слабо верила в реальность происходящего. Кто-кто, а Лев Залесский никогда не казался ей идеальным кандидатом на роль отца. Сдержанный и отстраненный большую часть времени, когда они виделись вне студии, он превращался в человека только раз в год. В искалеченного, измученного болью человека.

– Тогда можешь начинать думать о переезде. Твоя студия небезопасна, и я молчу об узкой и очень крутой лестнице в комнату. Как только вырастет живот, ты...

– Стоп-стоп!

Эйфория еще не прошла. Рита улыбалась, как чокнутая, прижимаясь лбом к его плечу, и чувствовала себя безумно счастливой. Но вот так командовать она ему не позволит. Тем более когда есть более насущные вопросы.

– Сначала надо решить, что мы скажем остальным.

– А ты думаешь, они не знают, откуда берутся дети? – хмыкнул Лев.

– Привет, мы случайно перепихнулись с похмелья и теперь ждем малыша, – фыркнула в ответ Рита. – Мой отец будет в восторге от такой версии. Герман тоже.

– С ума сошла? Ты еще скажи, что ребенку так объяснишь, как мама с папой познакомились и как он получился, – поморщился Залесский. – Мы встречаемся. С первого июня? Тебя устроит?

– Угу.

Легенда рождалась на глазах, а Рита офигевала. Потому что все дело шло к...

– И да, думаю, нам нужно пожениться. Избежим проблем при оформлении ребенка и вопросов от родни, друзей и так далее.

– Стой, давай мы такие радикальные меры будем обсуждать в спокойной обстановке. Я сейчас с ума схожу и всерьез думаю грохнуться обратно в обморок. Я не могу, как ты, в такой ситуации сразу и логично.

– Все, понял. Тогда просто встречаемся с июня, все серьезно. Никаких абортов, побегов и других глупостей, хорошо?

Подцепил ее лицо за подбородок и внимательно посмотрел в покрасневшие глаза. Впервые они были так близко в реальной жизни. Не в том безумии на пожарной станции, а в реальном мире, где Лев не помятый с похмелья алкаш, а серьезный мужчина в костюме. Где Рита не девочка в домашнем халате, а в меру успешный фотограф, сегодня еще и при параде. Была.

– Хорошо, – красноречиво моргнула в ответ девушка.

Откровенно говоря, ей хотелось дать деру отсюда, но, кажется, теперь она под колпаком.

– Забыл сказать, ты сегодня очень красивая и замечательно держалась на сцене.

Пристальный взгляд. Льва, кажется, размазанная косметика в эстетическом плане вообще не смущала. Тут Рита вспомнила, что и как между ними произошло: лохматая, в халате и без какого-либо макияжа. Именно такой он ее поцеловал.

Губы закололо. Они хотят повторить и вот-вот поднимут восстание, но вместо этого тихий ответ:

– Спасибо. Ты позовешь Германа?

– Да. Надеюсь, мне не снесут челюсть сразу, – снисходительный смешок.

Шестое чувство подсказывало Рите, что снести челюсть Льву не так-то просто. Как бы он ни изображал из себя интеллигентного типа, она-то прекрасно знала, что за зверь живет внутри него.

Глава 6

Лев

– Герман, я беременна, – она выпалила с ходу.

Лев аж закашлялся от такой прыти. Только что эта девушка просила его не спешить, а теперь с порога заявляет брату о случившемся. Мозг взрывается от этих женщин. Тянуть? Мяться? Это все явно не про Риту.

Блондин статуей замер рядом с кроватью сестры.

– Да ладно? Шутишь, что ли?

– Нет. – Она взяла с тумбочки снимок и продемонстрировала брату.

– Фотогеничный, – хмыкнул на полном серьезе Герман, хотя ни черта на снимке не понял. – Ура! Я так рад, мелкая. Кто отец? А, пофиг, с нами не пропадет. Главное, у меня будет племянник или племянница!

Вот тут Льву уже стало обидно. Что значит пофиг? Хотел возмутиться, но, услышав тихий смех обнимающей брата Риты, передумал.

Есть тонкие моменты счастья, которые прерывать не следует. Те самые, что остаются в памяти навсегда. Лев кожей чувствовал, что сейчас у Риты именно такой момент. Портить его он не будет.

– А все-таки, кто отец? – спросил Герман, когда первая волна радости сошла на нет.

– Он, – улыбнулась Рита и ткнула тонким пальчиком в Льва.

Это было смешно. Залесский невольно вспомнил школьные годы, когда его друг Макс ухаживал за понравившейся девочкой. Ну как ухаживал... Бил портфелем по голове, воровал тетрадки и дергал за косички. Так вот именно с таким выражением лица она перед учительницей обвинила во всех грехах несчастного влюбленного. Точно так же пальчиком ткнула и сказала писклявым голосом: «Он!»

– Серьезно? – Герман обернулся, а Лев почувствовал себя антиквариатом на столе у оценщика.

– Серьезнее некуда, – кивнула девушка. – Мы встречаемся.

– И, думаю, теперь живем вместе, – хмыкнул Лев. – Мне твоя студия не внушает доверия. Рита возвела глаза к потолку, мол, опять двадцать пять, зато Герман сразу душевно потеплел.

– А он мне нравится! – заявил блондин.

– О боже мой, какая честь, – фыркнул себе под нос Лев, но руку будущему родственнику все-таки пожал.

– Я давно ей говорю. Нужна нормальная квартира, – давил на свое Герман.

– Гер, ну не заводи ты опять эту песню, – взвыла Рита и накрылась с головой одеялом.

– А мы теперь дуэтом петь будем, готовься...

Рита

Счастливый Герман отправился домой с благой вестью. Он так сиял, что Рита всерьез хотела вручить ему оливковую веточку, но вместо этого пришлось взять с брата обещание не говорить никому, кроме Тины. С друзьями и отцом придется разбираться самостоятельно.

Строгий внедорожник медленно двигался по заснеженной дороге.

Рита третий раз в жизни ехала в машине Льва, но впервые могла спокойно все рассмотреть. Что было до этого? Ну...

Первый раз они везли Максима – сына Руслана Никитина, друга Льва – на встречу с матерью. Мальчик нервничал перед знакомством с женщиной, что бросила его много лет назад, и отбирал все внимание Риты. Второй раз – это же внимание принадлежало с трудом сдерживающей слезы подруге. Это сейчас Лилия Никитина счастливая жена Руслана и успешная журналистка, а несколько лет назад все было иначе. Она думала, что помогла ему найти пропавшую жену, а Максиму мать, и ей больше нет места в семье Никитиных. Своей боли в тот момент девушка не скрывала.

Сейчас же Рита могла осмотреться в автомобиле и поискать что-нибудь интересное, что может рассказать ей о его хозяине.

Приборка блестит, как будто машину недавно сдавали в чистку и хорошенько отполировали. Взгляд тут же подцепил странное. К ней приклеен забавный львенок-оригами. Помятый и грязный, явно несколько раз сложенный заново.

– Какой симпатичный зверек, – улыбнулась Рита и хотела коснуться.

– Не трогай, – Лев рыкнул тихо, но так устрашающе, что девушка тут же убрала руку. Даже спрятала в карман пуховика, который очень своевременно привезли в больницу из галереи.

– Прости.

В салоне будто похолодало. Рита поежилась, отвернулась и до самой пожарной станции сидела молча, считая фонари. Нельзя, так нельзя. Рычать-то зачем? Завернулась в шарф до самых глаз. Обидно.

– Спасибо, – бросила тихо, когда машина остановилась у входа на станцию.

Выскочила в метель, не дождавшись, пока ей откроют дверь. Обида душила. Почему он на нее злится? Из-за ребенка не разозлился, а из-за какого-то зверенка на приборке – вскипел.

– Стой ты!

Лев догнал ее у входа только потому, что девушка сама замерла как вкопанная, глядя на приоткрытую дверь студии. Она точно ее запирала. Ключ есть еще у Германа, но он поехал домой.

– В чем дело?

– Лев, кажется, кто-то влез в студию. Дверь не может быть открыта.

Испуганно сделала шаг назад, но тут же подумала про оборудование и заказы. Рванула в обратном направлении. Лев едва успел поймать ее за плечо.

– Уезжаем. Быстро! – рыкнул он и буквально запихнул ее на заднее сиденье машины.

Рита хотела выскочить, но Лев оказался быстрее. Щелкнули замки, заблокировав двери. Внедорожник с удивительной скоростью рванул с места вперед.

– Что ты делаешь? Там же оборудование, заказы, надо полицию вызвать! – возмущалась с заднего сидения все еще дрожащая от страха Рита.

Это ее студия. Ее дом, в который бесцеремонно вломились. Такое чувство, что кто-то влез в душу и наследил там грязными ботинками.

– Отъедем на безопасное расстояние, я позвоню, кому нужно. Сиди тихо.

Последняя холодная команда добила, Рита тихо заплакала, свернувшись калачиком на широком кожаном сиденье. Что за черт? Как один вечер смог так перевернуть ее жизнь? Планировалась же просто выставка, а теперь: беременность, Лев и в студии неизвестно что.

Еще и этот мужчина раз за разом окатывает ее ледяной водой. Она и так продрогла до невидимых иголок по всему телу. Поежилась и обняла сама себя, надеясь согреться в этой ледяной тюрьме.

– Да! Паш, я тебя сегодня добыю. На студию Риты влезли. Нужны люди. Проверьте все, я должен быть уверен, что там безопасно. Ситуация изменилась. Мне нужны люди для охраны и обеспечения безопасности студии. Ведущие объект. Дома у себя я сам разберусь. Пришлешь?

Рита слушала странный разговор. В голове не укладывалось, кем же, черт возьми, работает Лев Залесский?

Лев

Он с ума сходил от беспокойства. Взлом студии – точно не простое совпадение. Пора мобилизовать все силы и даже больше, в разы больше. Лев твердо решил забрать девушку к себе. Снова в его работе слишком много личного, и больше ошибок не будет. Он не отпустит ни на шаг, не уйдет ни на минуту, что бы ни случилось. Никогда.

Коротко накидал Павлу все, что нужно, и оглянулся.

Рита свернулась клубочком на заднем сидении и тихо всхлипывала. Текущие по лицу слезы впитывались в шарф.

Первый порыв был остановить машину, залезть на заднее сидение и обнять, но включилась логика. Нужно как можно скорее попасть домой, там безопасно.

В итоге заднюю дверь он открыл, только когда заехали на подземную парковку.

– Рита, вылезай.

– Не хочу, – буркнула девушка. – Я не хочу к тебе домой. Отвези меня к Герману.

– Твое упрямство очень не вовремя. Либо ты выходишь сама, либо я тебя вытаскиваю, закидываю на плечо и тащу.

– Руки короткие.

– Ну все! – рыкнул.

Пуховик и платье отлично скользили по кожаному салону. Рита не успела ни за что ухватиться и очень быстро с сидения перекочевала на широкое плечо. Дрыгала ногами, пыталась пнуть, но делала это так вяло, что Лев только усмехнулся.

Рита

– Ты невыносим!

– Зато ты очень даже выносима, – то ли улыбнулся, то ли оскалился Лев уже рядом с дверью в квартиру. – Запомню этот способ на будущее.

– Еще раз ты так сделаешь, я тебе лицо расцарапаю.

Что он себе позволяет? Невозможный человек. То ведет себя как ледяная статуя, то смотрит теплыми карими глазами, под взглядом которых растает не один айсберг.

Она постаралась как можно грациознее войти в приоткрытую дверь квартиры и, конечно, споткнулась на пороге. Вцепилась в косяк и услышала за спиной тихое хмыканье. Очень захотелось сыграть в лошадку и хорошенько лягнуть Льва копытцем на десятисантиметровой шпильке. Жалость к себе снова сменилась раздражением, а в следующую секунду – растерянностью.

Рита вошла в просторную студию и встретила взглядом с огромным портретом на белой стене, оформленной под каменную кладку. Вопросы были излишни.

Красавица блондинка с огромными серыми глазами, ироничной полуулыбкой на красиво очерченных губах и чуть выдвинутым вперед острым подбородком – Эльза. Имя написано внизу по-английски.

Холодок по коже. Лев вообще нормальный? Заказать портрет мертвой девушки во всю стену. Конечно, есть вариант, что он сделал это, когда она была еще жива. Но уточнять Рита,

у которой волосы на руках зашевелились, не стала. В конце концов, они договорились быть рядом из-за ребенка, а не лезть друг другу в душу.

Скинула туфли и подошла к дивану в центре комнаты. Напротив него трехъярусная полка, на которой... Какой сюрприз! Куча фотографий Эльзы и нескольких совместных. Дышать стало тяжело.

Рита медленно обернулась. Теперь справа от нее была зона с кухней и дверь, предположительно, в ванную комнату. Слева – большая кровать-подиум с тремя ступеньками.

Все прибрано, идеальная чистота и порядок. Приведи сюда инспектора в белых перчатках, он максимум нашел бы пару пылинков под фотографиями.

– Есть хочешь? – как ни в чем не бывало спросил Лев.

Вошел и деловито устремился к холодильнику. Рита едва сдержала едкий комментарий. Интересно, это у всех рефлекс: увидел беременную – накорми?

Тем временем мужчина скрупулезно перечислял блюда потенциального меню:

– Есть борщ, могу нарезать салат из огурцов и помидоров и поджарить куриные грудки. М?

– Я лучше посплю.

Рита ясно осознавала одно: в этом доме, который душит стенами и чужими воспоминаниями, ей кусок в горло не полезет.

– Как хочешь, – пожал плечами и захлопнул холодильник. Видимо, теперь все формальности были соблюдены.

Дверь в гардеробную нашлась рядом с кроватью. Лев достал оттуда домашние штаны, футболку и проводил девушку до ванной. Рита послушной куклой следовала за ним. Смогла выдохнуть, лишь когда осталась наедине с собой и белым кафелем душевой.

И поняла, что поторопилась с выводами.

Застежка на платье сверху. Вечером ее помогала застегнуть Тина, а вот как теперь расстегнуть? Рита вся извернулась, попытала немного, но так и не смогла дотянуться до коварной золотой цепочки.

Этот мир точно над ней издевается!

Выглянула и тихо позвала: «Лев. Нужна помощь».

Лев

Она странно смотрелась в его квартире – инородный элемент в струящемся голубом платье. Рита ярким пятном выделялась на фоне светло-серых стен и безжизненных фотографий.

– Что случилось? – заглянул в душевую.

– Я не могу расстегнуть платье, – доверчиво повернулась к нему спиной.

Взгляд мужчины мгновенно зацепился за золотую цепочку застегки, оценил ровную линию позвоночника, скользнул по светлой коже вниз. Соблазнительная доверчивость. Настолько соблазнительная, что на секунду закружилась голова и захотелось прикоснуться к обнаженной спине губами.

«С ума сошел?» – одернул себя Лев.

Взял себя в руки, быстро отстегнул цепочку и отступил на шаг, будто обжегся. То, что произошло в следующую секунду, навсегда осталось в его памяти. Голубой шелк, скользящий вниз по бледной коже. Лаская, маня, как бы говоря ему: «Смотри как я могу? Присоединяйся. Она гладкая и нежная». Лев помнил, какая она, помнил до мельчайших подробностей, вкуса и запаха.

– Ой! – тихо вскрикнула Рита и ловко поймала платье, прижав ткань к груди руками. – Спасибо.

Защebetала что-то еще, но он уже не слышал. Выскочил из душевой и пару раз хорошенько приложился лбом к двери холодильника.

– Не сходи с ума, Лев. Не сходи с ума.

Рита

Чтобы штаны не спадали, пришлось затянуть завязки до упора, а штанины – так просто подвернуть в два раза, иначе они волоклись бы по полу. Зато мягкая ткань дарила ощущение тепла и уюта в этом холодном, негостеприимном доме. Натянула футболку, та мгновенно сползла с одного плеча, оголяя бледную кожу. Что ж, не так страшно.

Рита несколько секунд растерянно улыбалась себе в зеркало. Так странно находиться в его доме и примерять его одежду. Медленно провела рукой по абстрактному принту на груди. Такие странные, но безумно приятные перемены. Мурашки пробежали по коже. Предвкушение? Страх? Все сразу. Взболтать, но не смешивать.

Рита шумно выдохнула и, поправив полотенце на голове, вышла из душевой.

– Ну хоть чай ты со мной выпьешь?

Лев в своем стремлении накормить беременную девушку не сдавался. Две чашки дымились на стойке, там же стояла прозрачная вазочка с печеньем.

– Хорошо, – заставила себя улыбнуться. Хрупкой девушке иногда проще сдаться, чем воевать со львом.

Легкость и тепло, появившиеся в теле после душа, исчезли, стоило выйти в комнату, где со стен и полок на Риту смотрели чужие воспоминания. Болезненные. Ревнивые. Она кожей чувствовала, что они не хотят выпускать Льва из своих сетей. Вот с ними стоит бороться. Но как? Где найти силы и стоит ли? Хочет ли хищник быть свободным от клетки? Слишком много вопросов в голове и мало аппетита. Но вазочка с земляничным печеньем, как в детстве, опустела удивительно быстро.

– Ты точно есть не хочешь? – усмехнулся Лев. Он и не думал переодеваться, так и сидел в костюме.

– Нет, а печенье еще осталось?

* * *

Лев уложил Риту в свою кровать и накрыл тяжелым теплым одеялом. От постельного белья приятно пахло цветочным кондиционером, а удобный матрас после продавленного временем дивана из студии показался ей райским ложем.

– А ты где будешь спать? – спросила, заворачиваясь в одеяло, как гусеница.

– На диване, – чуть улыбнулся сидящий на краю постели мужчина.

Кольнуло. Глупо было надеяться, что он ляжет рядом, обнимет и будет шептать что-то нежное на ушко. Но как же хотелось верить, что это возможно! Так хотелось забыть обо всем, уткнуться носом в горячее плечо, прижаться всем телом и уснуть, чувствуя себя в полной безопасности.

– Зря, здесь матрас удобный, – прошептала Рита, вопреки желаниям проваливаясь в сон.

– Спи. У тебя был тяжелый день... – последнее, что она услышала, прежде чем отключилась.

Лев

Он смотрел на спящую девушку. Светлые волосы разметались по темной подушке. Рита улыбалась даже во сне и мило сжимала пальцами одеяло, как будто боялась, что его кто-то украдет. Когда окончательно заснула, свернулась под ним клубочком, как замерзший котенок. Желание оказаться рядом, обнять и согреть стало почти непреодолимым. А вот идти спать на диван совершенно не хотелось.

Жужжание телефона расставило все по своим местам. Хочу – не хочу, а работа не дремлет.

– Здравствуйте, Лев! – незнакомый, но удивительно бодрый мужской голос. – Это Николай Комаров. Я от Павла. Жду вас у подъезда с отчетом по студии. Также со мной люди для охраны, мы готовы получить инструктаж. Мне подняться или вы спуститесь?

Лев бросил взгляд на спящую Риту. Если придет – разбудит.

– Я спущусь. Ждите.

* * *

Рядом с неприметным серым авто стоял и подпрыгивал, пытаясь согреться, худощавый жилистый парень в кожаной куртке с утепленным меховым воротником. Из-под шапки как попало торчала челка, явно сломанный пару раз нос покраснел от холода. Этот тип был совсем не похож на работника органов, а походил скорее на влюбленного юнца, который поругался с девушкой и теперь дежурит у ее подъезда.

– Добрый вечер, точнее, ночь, – добродушно улыбнулся он и протянул холодную руку. – Николай Комаров, командир отряда Теней-охранников.

– Лев, бывший оперативник, которому никак не дают уйти в отставку.

Улыбка паренька стала в два раза шире, когда они пожали руки. Выглядел он юным, но задумчивый, цепкий взгляд говорил сам за себя: опыт, воспоминания, профессионализм. Похожий взгляд был у Павла, с которым Льву довелось познакомиться в кабинете генерала. Взгляд человека, который многое пережил и не сломался.

– Так может, и не надо в отставку? Предлагаю поговорить в машине. Я задубел.

Николай демонстративно поежился. Пискнула сигнализация. Разговор продолжился, только когда захлопнулись двери серого седана.

– Ну что там?

– В студии бардак. Все перевернуто и сломано. Когда мы приехали, людей там не было. Они не смогли подняться наверх, там очень крепкая дверь, старинная.

– Я знаю, что старинная, – нахмурился Лев. – Камеры запросили?

– Да, но там в округе нет ни черта. Ни магазина, ни стоянки, даже камер ГИБДД нет. Мы запросили все по периметру. Но, сами понимаете, разброс слишком велик. У нас нет даже ориентиров, не говоря уже о том, что они могли прийти пешком с соседней улицы.

– Ты прав. Ладно, поставь там людей, пусть присмотрят. Мы приедем завтра вечером. Рита, если что, скажет, что пропало.

– Обижаете, Лев Евгеньевич, уже стоят.

– Отлично. Получается, у нас три основных точки и один объект. Точки: моя квартира, студия и дом Дутова, за ним тоже нужно присматривать. Объект Маргарита, данные Павел тебе передал?

– Да, все будет в порядке. Будет ваша беременная подружка в целости и сохранности, – хмыкнул Николай.

– Я рад, что ты понимаешь степень ответственности.

Лев скривился, но отчитывать Николая не стал: ребятам «из полей» часто присуща легкая небрежность в выражениях и отношении даже к старшему по званию, а уж к гражданским – особенно. Как воспитывают ребят из секретного подразделения Тени – загадка. Усмеющаяся физиономия нового коллеги заставила задуматься, а воспитывают ли их вообще.

Rita

Пробуждение посреди ночи давно вошло у нее в привычку. Обычно в это время молодежь из соседнего элитного дома возвращалась с гулянки, а это, знаете ли, вопли, крики и рычащий турбо-двигатель.

Вот и сейчас девушка вздрогнула, как от невидимого удара, и проснулась. Не сразу сообразила, что делает в незнакомой холодной комнате. В студии царил полумрак, единственный источник света на кухне. Видимо, Лев забыл выключить подсветку.

В такой обстановке портрет Эльзы на стене казался пугающим. Фантазия разыгралась: казалось, что красивые глаза вот-вот полыхнут inferнальным голубым светом, а губы начнут двигаться, выкрикивая проклятья в адрес незваной гостьи.

– Чертова фантазия, – буркнула себе под нос Рита и плотнее завернулась в одеяло, пытаясь уснуть.

Сон не шел. Через полчаса мучений Рита поняла, что здесь оставаться она больше не может. В этой квартире не то что спать, а даже дышать тяжело. Наверное, до этого она выключилась просто от усталости. Теперь же ее бросало то в жар, то в холод.

Уйти. Уехать к Герману.

Написала сообщение брату:

«Спишь? Могу приехать к тебе прямо сейчас?»

Моментальный ответ в три утра:

«Конечно, мелкая. Приезжай. Я еще полчаса точно не сплю».

«Люблю тебя, братик».

Слезы на глазах выступили против воли.

«Рит, ты в порядке? Он тебя обидел?»

«Нет. Все нормально. Я такси вызову. Работай».

«Хорошо. Будешь подъезжать, напиши. Я тебя встречу».

«Ок».

Вот и решено. Бежать. Вылезла и на носочках прокралась мимо дивана. Не удержалась и на секунду заглянула за спинку. Лев спал. Не храпел, но вдыхал глубоко и немного сопел. Хмурился даже во сне. Голова на подушке чуть запрокинулась вверх, странная поза.

– Ну конечно, – зло посмотрела на портрет.

Все ясно. Засыпая, Лев смотрел на нее. Осознание неприятно кольнуло. С постели портрет было видно хорошо из любого положения, а с дивана ему пришлось неестественно изогнуть шею.

«Болезнь же будет, идиот», – нахмурилась Рита, но не стала его будить.

Тихо прокралась в коридор. Штаны и футболку потом вернет, обменяет на платье. А вот как быть с обувью? Взгляд сам упал на стоящие в углу теплые мужские кроссовки размеров на шесть больше, чем у нее. Идиотизм. Но топтать по снегу в туфлях на шпильке – увольте. В этих хотя бы будет тепло.

Через пять минут Рита, кутаясь в пуховик и чуть не потеряв по пути кроссовку, уже выбегала из подъезда к стоящему около дома такси.

Глава 7

Лев

Лев ненавидел сны.

Между сном и явью тонкая, но непреодолимая грань. Самый счастливый сон никогда не сможет ее перешагнуть и стать реальностью, а кошмары...

Они приходят отовсюду. Болезненная реальность проникает в сон, ты мечтаешь вырваться оттуда, но не можешь. Сон держит тебя цепкими беспощадными лапами, мучает, выжигает. Только когда от тебя остается лишь пепел, он развеивает его на ледяном северном ветру, для которого не существует границ.

И вот тогда ты просыпаешься. Дрожащий от холода и боли, как попало собранный по кусочкам. Пытаешься осознать, весь ты преодолел эту грань или часть тебя навсегда осталась в аду сновидений?

Сон невозможно победить. Рано или поздно, даже глядя в самые любимые на свете глаза, ты засыпаешь. Лежа на неудобном диване, заснул и Лев.

* * *

– Кажется, я объелась, – рассмеялась Эльза, поправляя блузку в районе живота.

– Третье мороженое было лишним, – улыбнулся в ответ Лев и коротким движением завел машину.

– Оно же шоколадное! – блондинка выдохнула и откинулась на кожаную спинку. – Такой прекрасный вечер, спасибо, – повернулась к нему. Во взгляде серых глаз чистая нежность и едва уловимые искорки коварства. – Давно мы так не выбирались. Это все работа твоя безумная. Ты сегодня домой?

– Да, сегодня к тебе домой, – поймал ее руку и притянул к губам. Короткий поцелуй и сотня мурашек по коже. – Кстати, у меня есть для тебя одна официальная бумага. Она требует не менее официального ответа.

– Бюрократ, – хихикнула Эльза и, потянувшись вперед, взъерошила медно-рыжие волосы.

Никто из его знакомых не отважился бы повторить этот смертельный номер. Даже собственная мать лишний раз предпочитала не лезть с объяснениями. Лев отличался не самым простым характером и прекрасно умел внушать окружающим страх, мог мастерски держать всех в напряжении. Но сейчас мужчина полностью расслабился и наслаждался смелым прикосновением, коротким контактом тонких пальчиков и его волос. Жмурился от удовольствия, как сытый хищник. Его Эльзе можно все и даже больше.

Лев достал из внутреннего кармана пиджака сложенную вдвое бумажку и протянул девушке.

– Даю тебе время подумать до дома, – усмехнулся и вдавил педаль газа.

Эльза аккуратно развернула белый лист, в самом центре которого оказалась короткая надпись, выполненная каллиграфическим почерком Льва: «Я люблю тебя. Будешь моей женой?». Руки дрогнули. Всю дорогу девушка, не отрываясь, смотрела на листок. Ответ был очевиден.

Когда машина остановилась рядом с домом, Эльза достала ручку и что-то быстро написала. Лев потянулся было за листочком, но получил по руке.

– Я еще не закончила, – коварно улыбнулась она и принялась складывать оригами.

Это было ее небольшое увлечение родом из детства. Эльза росла в тишине библиотеки, окруженная книгами и пылью. Чтобы дочь не скучала, отец давал ей чистые листы, краски и кисточки, но таланта к живописи у Эльзы не было, зато складывать красивые фигурки получалось просто замечательно.

Вот и сейчас девушка проворно сложила из листочка бумаги маленького львенка. Дорисовала ему глазки-сердечки на морде и улыбающийся ротик.

Идиллию прервала стандартная мелодия телефона. Чертыхаясь, Лев полез во внутренний карман пиджака и выудил оттуда смартфон неизвестной марки.

– Ну я же просил... – выдохнул устало, – прости, я должен ответить.

Эльза пожала плечами и коротко кивнула.

– Сейчас? Ты издеваешься? – раздраженно сжал переносицу мужчина. – Вы без меня справиться не можете? Ах, он приказал. Ну конечно. Я ему жениться не мешал, между прочим, – огрызнулся Лев.

– Езжай, – прошептала Эльза одними губами.

– Точно на час? – уточнил мужчина. – Ладно. Сейчас провожу Эльзу и выезжаю. Минут двадцать подожди, – выключил телефон и швырнул на заднее сидение. – Иногда я их просто ненавижу.

– Все в порядке. Вдруг там что-то важное. Мир рушится, например.

– У нас каждый день мир рушится.

Лев вышел из машины, открыл девушке дверцу и помог выбраться. Отпускать ее не хотелось, заканчивать так вечер, который должен быть идеальным, хотелось еще меньше.

– Не провожай, – тихо ответила Эльза, прижимая к груди бумажного львенка.

Большой Лев не выдержал и, шагнув вперед, обнял девушку. С силой прижал к себе, целуя светлые волосы, вдыхая любимый запах. Уезжать за минуту до счастья. Чертова работа! Сейчас мужчина ненавидел ее, потому что любил нечто более важное – хрупкую девушку в своих руках. Ему казалось, что если он сейчас уйдет, то больше никогда не вернется.

– Дождись меня. Я хочу узнать ответ, – произнес тихо и ослабил хватку.

Эльза посмотрела на него с улыбкой и прикоснулась ладонью к груди. Прижала к плотной ткани пиджака бумажного львенка с ответом на самый главный вопрос. Короткий, нежный поцелуй скользнул по губам мужчины.

– Уезжай скорее. Можешь прочитать ответ по дороге, – взяла его руку и вложила в нее бумажную фигурку. – Я буду ждать тебя, любимый... – тихий шепот.

Смеясь, Эльза убежала к подъезду. Лев проводил ее взглядом, убедился, что девушка вошла. Проследил за движением в окнах и, только увидев, что включился свет в комнате, сел в машину.

Львенок оказался на приборной панели нераскрытым. Лев уже знал ответ на свой вопрос и улыбался забавному зверьку, выезжая на оживленную трассу.

* * *

Он звонил в дверь снова и снова. Тишина. Достал из внутреннего кармана дежурную связку ключей. Может, уснула? Обещанный час превратился во все два, как обычно.

Квартира встретила его включенным в комнате светом и пустотой...

Все внутри похолодело. Тысячи самых ужасных предчувствий взвились в воздух статей безумных голодных птиц. Каждое из них стало реальностью этой ночью...

* * *

Старый, продуваемый всеми ветрами склад. Он наполнен людьми, что безучастными тенями стоят по кругу, внимая своему лидеру. Эльза связана по рукам и ногам, широкоплечий мужчина с рубцами от угрей на лице и усмешкой на мясистых губах приставил к ее виску пистолет.

– Мы можем договориться. Возьми меня. Давай поменяемся. Отпусти Эльзу и возьми меня, – просит какая-то незнакомая девушка.

– Отпусти ее, и все забудем. – Больше никогда Лев не будет таким наивным.

Последний взгляд прозрачных серых глаз. Любящий. Она не ждет спасения. Она уже знает, что это конец. Все, чего хочет Эльза, – это последнее слово, последний взгляд. Эти любящие глаза, как кинжалы, пронизывают грудь за секунду до страшного...

– Хэппи энд!

Выстрел. Он не видит крови, но видит, как гаснет жизнь в любимых глазах. Это в миллион раз хуже. В миллиард раз страшнее. Это вырывает его душу из тела, треплет ее, как щенок старые тапочки, раздирает на мелкие кусочки и выбрасывает уже никому не нужные ошметки, как старый хлам.

А он? Он не может даже кричать. В этом нет смысла. Она все равно уже не услышит.

* * *

Пальцы напряглись, Лев чуть было не сжал львенка в руке. Чуть было не испортил это хрупкое бумажное воспоминание о ней. Все, что пережило ту ночь. Все, что осталось. Эльзы нет. Любви нет. Самого Льва тоже нет. Он умер от той же пули в тот самый миг. Осталась лишь его пропахшая алкоголем копия.

Боль была невыносимой. Мужчина изо всех сил ударился лбом об руль и стиснул зубы. Ничтожная боль, она не искупит его ошибку. Пальцы сами собой сделали глупость – развернули львенка. Наконец-то он увидит ее ответ. Снова увидит ее почерк.

Это как письмо из счастливого прошлого: «Согласна любить тебя до конца своих дней. Эльза».

* * *

Снова разбился на мелкие кусочки, как стеклянная елочная игрушка, и проснулся. Один. В совершенно пустой квартире.

Глава 8

Лев

– Зашибись, – Лев еще раз осмотрелся и потер затекшую за ночь шею. – Сбежала!

На часах семь утра. Убежала она, скорее всего, часа в три, когда сон наиболее крепкий и глубокий, иначе он бы проснулся.

Липкий страх, охвативший мужчину, когда он понял, что девушки нет на месте, сменился холодной логикой. Она всегда спасала его в такие минуты, иначе, снедаемый болью потери, Лев не прожил бы ни дня.

Где бы ни была Рита, с ней все в порядке. Николай и его ребята при любом раскладе висят у нее на хвосте. Если бы что-то случилось, они бы вмешались и сразу ему доложили. Но все равно на сердце скребли даже не кошки, а самые натуральные тигры с когтями-кинжалами.

«Что я сделал не так? Почему она сбежала посреди ночи и даже не попрощалась?» – мысли крутились в голове, пока он наливал кофе и ждал, когда Николай возьмет трубку.

В итоге за шесть гудков взвинтил себя до такой степени, что как только услышал сонный голос парня, злобно рявкнул:

– Где она?

– Уехала ночью к брату, – тут же отпартовал Комаров. Звериный рык его не впечатлил.

– Эта женщина хоть минуту может посидеть на месте? – устало выдохнул Лев, обращаясь больше к пустоте, чем к собеседнику.

– Судя по всему, нет. И с инстинктом самосохранения там тоже не очень, – весело отозвался из трубки. – Прыгнула в первое приехавшее такси.

– Что?!

– Машина наша. Теперь, куда бы она ни поехала, куда бы ни позвонила, все ее передвижения контролируем мы. Если вызывает машину через приложение, сигнал приходит к нашему сотруднику.

– Слава современным технологиям. – Беспокойство отпустило, но надавать этой юркой блондинке по заднице рука все равно чесалась. Что за ерунда? Зачем сбегать посреди ночи? Хотела к брату? Дождалась бы утра, и вместе поехали.

Лев хмурился, оглядывая прихожую. Хоть его зимние кроссовки догадалась надеть, а не в туфлях уехала. Уже хорошо. Есть шанс на адекватность.

– Но вы бы за ней получше присматривали. Все-таки беременная девушка, эмоции на пределе.

– Что, мне ее к батарее приковать? – фыркнул Лев, но тут же спохватился: – Ты тут руководству советы раздаешь или мне слышалось?

– Так вы ж не в звании, – хмыкнул Николай. Он явно веселился. – Субординация номинальная.

– Похоже, звание пора вернуть. Работать так в разы легче.

– Мне сообщить Ивану Васильевичу? – скрупулезно уточнил парень.

– Не надо, этого моя психика не выдержит: ты, должно быть, в курсе, что она у меня слабая.

– В смысле?

– Танцующий на столе генерал-майор для моей психики явный перебор, – уточнил Лев. – Все, выезжаю к вам. Глаз с дома не спускать и с этой... дамы с пропеллером в одном месте тоже.

* * *

Уже застегивая высокий меховой ворот пальто, Лев задумчиво покрутил в руках мобильник. Ехать к Рите неподготовленным, не понимая, что произошло, глупо.

Впервые за всю жизнь ему требовался совет. Не простой, а женский. Подходящая кандидатура нашлась почти сразу. Марина Кравцова, жена лучшего друга. Лев считал эту успешную и строгую бизнес-леди наиболее разумной из всех знакомых женщин. До сих пор гадал, как ее угораздило связаться с безумным художником². Не, Макс отличный парень, но временами псих, хоть справку выдавай.

– Да? – удивленный голос в трубке. До этого Лев никогда так просто не звонил женам друзей.

– Привет. Есть минута? Нужен совет...

Он кратко изложил все, что случилось с ним за последние сутки. Разумеется, о работе ни слова, только факты о беременности Риты, как привез ее домой и о внезапном побеге.

– Стоп, – Марина то ли злилась, то ли смеялась. Сложно различить. – Ты хочешь сказать, что привез беременную женщину в свой склеп? Лев, вот ты вроде неглупый мужчина. Но какого черта? Из твоей квартиры любая сбежит. Она еще и уснуть там смогла? У девочки стальные нервы!

Черт. Лев приложился головой об стену. Идиот. Почему сам не догадался? Обвел взглядом комнату: совместные фото, огромный портрет Эльзы и смятая кровать напротив.

² Историю Максима Кравцова и его жены вы можете прочитать в романе Т. Кошкиной «Я нарисую для тебя любовь».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.